

З В Е З Д Ы   Д Е Т Е К Т И В А

И Л А Р И Я   Т У Т И

ЦВЕТЫ НАД АДОМ

Книга месяца по версии The Times

Илария Тути
Цветы над адом
Серия «Звезды детектива (АСТ)»
Серия «Тереза Батталья», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67111998

И. Тути. Цветы над адом: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-137462-4

Аннотация

Что-то прячется... Среди леса и нависающих стенами скал, внизу в овраге, ведущем к ручью... Следы крови говорят мне, опыт подсказывает мне: это случилось, но это может произойти снова. Это только начало.

Что-то ужасное произошло в этих горах. Что-то, что требует всех моих навыков следователя. Я комиссар полиции, специализирующийся на профилировании, и я спускаюсь в ад каждый день. Не пистолет, не униформа: мой разум – настоящее оружие. Но он изменяет мне. Не тело, пораженное возрастом, не мое измученное сердце. Мой рассудок в опасности, а это значит, что расследование тоже. Меня зовут Тереза Батталья, у меня есть секрет, в котором я не смею признаться даже самой себе, и впервые в жизни я боюсь...

Содержание

1	10
2	15
3	20
4	29
5	33
6	41
7	48
8	57
9	60
10	71
11	73
12	77
13	82
14	91
15	94
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Илария Тути

Цветы над адом

Ilaria Tuti

Fiori Sopra L'inferno

Longanesi & C. © 2020 – Milano Gruppo editoriale Mauri
Spagnol

© Елена Арабаджи, перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Посвящается Ясмин

*И вас, красавица, и вас коснется тленье,
И вы сгниете до костей,
Одетая в цветы под скорбные моления,
Добыча гробовых гостей.¹*

Шарль Бодлер

*Мы ходим все по краю ада,
пристально глядя на цветы.
Кобаяси Исса (1763–1828)*

---

¹ Перевод с французского здесь и далее В. Левика.

Австрия, 1978

Это место обросло нехорошими слухами. Из тех, что долго витают в округе, словно стойкий запах. Говорили, что на исходе осени, перед тем как снег придет на смену дождям, альпийское озеро издает зловещие вздохи.

Эти вздохи, испаряясь с зеркальной поверхности, отражающей небо, возносятся вверх к утренней дымке. Так рай заглядывает в ад.

И в окрестностях здания, построенного в конце девятнадцатого века на восточном берегу, раздается долгий, похожий на завывание, свист.

Школа. Так местные жители окрестили постройку. Хотя эти стены многое повидали на своем веку: императорская охотничья резиденция, нацистский штаб, туберкулезный санаторий для детей.

Большую часть года в облупившихся стенах с выцветшей штукатуркой стояла звенящая тишина, в которой эхом разносились редкие шаги. Но в ноябре здание заполоняли вздохи, карабкавшиеся по окнам верхних этажей до искрившейся инеем покатой крыши.

Впрочем, слухам и рассказам верят только слишком чувствительные души – старики-меланхолики да малые дети. Агнес Браун прекрасно это понимала. Она служила в Школе слишком давно, чтобы тревожиться из-за ночных шорохов. Агнес различала скрип каждой половицы, бормотание каждой ржавой трубы за стеной. Хотя в большинство помеще-

ний доступ преграждали наглухо заколоченные двери.

С тех пор как в здании разместился сиротский приют, государственные дотации оскудели, а частные пожертвования и вовсе сошли на нет.

Агнес прошла на кухню, гнездившуюся в подвальном помещении между складом и прачечной. Она толкала перед собой тележку, ловко обходя огромные кастрюли, из которых вскорости повалит густой пар. В этот сумеречный час она была совершенно одна. Компанию ей составляли только шмыгавшие из угла в угол крысы и подвешенные в морозильнике туши.

Чтобы подняться на первый этаж в крыло, находившееся на ее попечении, Агнес решила воспользоваться грузовым лифтом. С недавних пор она испытывала от служебных обязанностей непонятное беспокойство, напоминавшее скрытое недомогание, которое никак не может решить перерасти ему в болезнь или нет.

Громко скрипнув, лифт вобрал в себя Агнес с тележкой. Звякнули цепи с тросами, кабина пришла в движение и через несколько метров, резко качнувшись, встала. Агнес открыла железную дверцу. Бледно-синий коридор, весь в мокрых пятнах, с квадратными окнами по одну сторону убегал вперед длинной лентой.

Где-то постукивала оконная створка. Агнес оставила тележку и подошла прикрыть окно. Стекло замерзло и запотело. Протерев рукой окно, она выглянула в образовавшуюся

юся прогалину. Рассвет бросал первые лучи на видневшуюся внизу деревню. Крыши домов казались крохотными свинцовыми квадратиками. Между деревней и Школой, на высоте тысячи семисот метров, в туманном мареве розовела неподвижная гладь озера. Небо же было кристально ясным. Однако Агнес знала, что сегодня солнце не прогреет горный склон. Она поняла это еще утром, поднявшись с кровати с мигренью.

Клубившийся туман окутывал все вокруг: солнечный свет, звуки и даже запахи, усугублявшие ее и без того вялое состояние. Из этой серой массы, взбиравшейся по заиндевевшей траве, раздавались вздохи.

«Стоны мертвецов», – подумала Агнес.

Это был буран, который пришел с северо-востока. Преодолев тысячи километров от родных степей, он обвевал расщелины, трепал насыпь у кромки леса и бесновался в пересохшем русле, а затем со свистом обрушивался на горный склон.

«Это всего лишь ветер», – повторила женщина.

Настенные часы пробили шесть. Было поздно, но Агнес не сдвинулась с места. Она медлила. И понимала, почему.

– Мне показалось, – пробормотала она. – Мне просто показалось.

Агнес взялась за холодную сталь тележки. Контейнеры задребезжали, едва она сделала несколько шагов по коридору к последней двери.

Ясли.

От неожиданной мысли резко свело желудок: а ведь это и есть самые настоящие ясли. По крайней мере, в последние недели там кипела странная, непонятная работа. Будто ку-колка готовилась выбраться из своего кокона. Агнес была в этом уверена, хотя и не могла объяснить, что именно происходит за этой дверью. Она не сказала об этом ни слова даже управляющему: тот бы принял ее за сумасшедшую.

Опустив руку в карман, она нащупала грубую ткань капюшона. Достала его, надела на голову. Из-за тонкой сетки, скрывавшей глаза, внешний мир утратил четкие очертания. Входить только в капюшоне было непреложным правилом.

Агнес вошла.

В комнате царила полная тишина. Чугунная печка с потрескивавшими углями возле двери излучала приятное тепло. Кровати стояли в четыре ряда по десять в каждом. Никаких имен на табличках – только цифры.

Ни плача, ни вскрика. Агнес знала, что ей предстоит увидеть: пустые, потухшие глаза.

Во всех кроватках, кроме одной.

Привыкнув к тишине, она различила слабый шорох: в последнем ряду он сучил ножками, набираясь сил. Готовился. Вот только к чему? Наверное, она сходит с ума.

Шаг за шагом она приблизилась к кроватке под номером тридцать девять.

В этом существе, в отличие от остальных, жизнь была клю-

чом. Его внимательные глаза неотступно следили за каждым ее движением. Агнес понимала, что он ищет ее взгляд под сеткой капюшона. В смущении она отвела глаза. Номер Тридцать девять знал о ее присутствии, хотя и не должен был.

Удостоверившись, что никто не видит, женщина протянула палец. Тридцать девятый укусил ее, крепко стиснув десны. Его взгляд стал одержимым. Он жалобно всхлипнул, когда Агнес, чертыхнувшись, отдернула руку.

«Значит, ты у нас хищник», – подумала она.

Увидев то, что произошло минутой позже, Агнес решила больше не держать при себе некоторые мысли.

Вокруг номера Тридцать девять все зашевелилось. Остальные создания учащенно задышали, словно в ответ на немой призыв. В Яслях кипела жизнь.

Однако, возможно, ей только показалось.

Наши дни

Мертвая ворона валялась у края тропинки: растрепанные перья с фиолетовым отливом, разинутый клюв. Под вздутым брюхом виднелось кровавое, уже высохшее, несмотря на влажность, пятно.

Видимо, птица лежала здесь давно – один стеклянный глаз уставился в тяжелые облака, сулившие снег, а второго и вовсе не было.

Матиас, присев на корточки, уже довольно долго ее рассматривал. Ему было интересно, покидают ли блохи тело, когда сердце перестает биться. Он слышал об этом от одного охотника, и эта мысль, занятная и притягательная, долго не давала ему покоя.

Он тронул мертвую птицу пальцем. Ворона оказалась старой. Он понял это по белесому, лысому клюву. Скрюченные когти на окоченевших лапах застыли в воздухе.

Матиас сразу же вытер перчатку о штаны. Если о том, что он засмотрелся на падаль, узнает отец, ему не поздоровится. Тот всегда ругался, застав его за разглядыванием дохлых мелких животных в саду или в роще за домом. Даже обзывал непонятным нехорошим словом. Матиас пытался найти его в словаре. Но обидное слово вылетело из головы: оно было как-то связано с «сумасбродством».

Матиас хотел стать ветеринаром и не упускал возможности узнать что-нибудь новое. «Наблюдай, и многому научишься, – сказал однажды дедушка. – Остальное придет методом проб и ошибок».

Мальчик поднялся, не сводя глаз с мертвой птицы. Сначала ему хотелось ее похоронить, но затем он передумал: хищная природа, изголодавшаяся по таким останкам, найдет им лучшее применение.

Церковные колокола прозвонили половину третьего. Было поздно, остальные уже ждали его в тайном месте.

Он заспешил по скользкой тропинке. Сегодня утром деревня Травени проснулась под белоснежным покрывалом. И хотя снег сразу же растаял, все говорило о том, что лыжный сезон не за горами.

Он дошел до горного склона неподалеку от деревни. Среди низкорослых сосен и елей виднелся памятник павшим в сражениях с Наполеоном. Бронзовый гренадер с лихо закрученными усами сурово всматривался вдаль. На штыке развевался синий шарф: значит, кто-то уже залез туда и вывесил условный знак.

Матиас ускорил шаг. Утром в школе им объяснили значение слова «лидер». Оно запало ему в голову. Мальчику нравилось его решительное звучание, но еще больше нравилась мысль о том, чтобы вести за собой остальных.

«Лидер защищает своих товарищей», – сказала учительница. Матиас именно так и поступал. Он был вожаком среди

друзей не только в силу возраста (ему уже исполнилось десять лет, два месяца и семь дней), но и потому, что на него всегда можно было положиться.

Поэтому на памятнике должен был развеяться его шарф, а не Диего. Ему следовало прийти первым и помочь остальным – хотя все ребята прекрасно знали дорогу. Вместо этого он замешкался, разглядывая мертвую ворону. Наверное, отец прав на его счет.

В этом месте скалы уходили вниз, к руслу горной речки. В каньоне, на глубине нескольких десятков метров, рокотала вода.

Матиас начал спускаться по крутой тропинке. Чтобы наверстать упущенное время, он спешил и хватался за ограждение всякий раз, когда под ногами рассыпался щебень. Спуск он закончил на трясущихся ногах, с пылающим лицом и запыхавшись.

Не мешкая он двинулся вдоль старой петляющей речки. Щебенка чередовалась с железными и деревянными ступеньками, примыкавшими к скалам. От отливавшей изумрудным воды пахло льдом. Сюда не проникал ни солнечный свет, ни тепло.

Прислушиваясь к собственному дыханию и стуку сердца, Матиас вдруг понял, что вокруг никого нет. В это время года туристы предпочитали лыжные трассы: внизу было слишком холодно и небезопасно.

Без явной на то причины он ускорил шаг. Вверху, над кро-

нами елей, на высоте шестидесяти метров кусочек неба прорезал старый железнодорожный мост, который полтора века назад строил еще его прапрадед.

Не глядя под ноги, Матиас поскользнулся на заледенелом камне, упал и разбил коленку. Вслед за его удивленным возгласом из леса донесся какой-то шум. Глухой крик. Испугавшись, он обернулся.

«Лес – не место для детских игр», – пришли на ум мамины слова.

Поднявшись, он не взглянул ни на разорванные джинсы, ни на саднившие под шерстяными перчатками ладони. По ступенькам обошел выступающую скалу. С одной стороны – мох, с другой – водоворот. Дальше тропинка ныряла в небольшой грот. Матиас пробежал эти темные метры, убеждая себя, что им движет не страх, а спешка. Выбравшись наружу, он остановился. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь толщу деревьев, окрашивал золотом землю. Небольшой водопад над речкой грохотал по камням, рассыпая по сторонам водяную пыль. Когда летом в ущелье пробиралось солнце, над водопадом переливалась радуга.

На каменистом берегу, усевшись полукругом, его уже поджидали друзья: Лючия, Диего и Оливер.

Увидев их, Матиас вмиг забыл обо всех своих страхах. Его губы тронула улыбка. Сзади никого не было. Никто не шел за ним по пятам.

Он с вызовом обернулся на мрачный грот. Победа на его

стороне, он – лидер. И тут его улыбка погасла.

Сомнения растаяли.

В темноте кто-то был, и этот кто-то за ним наблюдал.

Тело лежало в заиндевевшей траве. Черные как смоль волосы на голове и в паху резко контрастировали с белизной кожи. На заднем плане расстился лес. В тех местах на поляне, куда не проникало солнце, лежал снег. Ночью срывались редкие хлопья, и одна снежинка запуталась в ресницах покойника.

Мужчина лежал на спине, руки вдоль туловища, ладони на подушках из мха. Следов борьбы не было. Из пальцев торчал тусклый зимний цветок.

Это походило на картину, написанную застывшей в жилах кровью и окоченевшими членами. При таком холоде тело отлично сохранилось. Единственным различимым запахом был запах влажной земли и перегноя.

О покойнике позаботились.

Вокруг тела кто-то расставил примитивные силки из бечевки.

– Чтобы отпугнуть животных. Убийца хотел, чтобы мы нашли труп в нетронутом виде, – подытожил сиплый голос.

Изо рта, говорившего в диктофон, вместе со словами вылетали струйки пара. Вокруг сновали криминалисты в белых комбинезонах, мелькали вспышки фотоаппаратов и мигалки патрульных машин.

– Ручным трудом он не занимался. Ладони – без мозолей,

на обручальном кольце никаких царапин. Ногти ухоженные, без следов грязи.

Обручальное кольцо на левой руке блестело даже в сизом декабрьском мареве. Низкие тучи затеняли этот уголок земли.

Мужчину сильно ударили по лицу, другие повреждения отсутствовали. С двух сторон на шее проступили синие сосуды. Перед смертью убитый тщательно побрился. Налет щетины появился в результате ретракции кожи *post mortem*.

– Следы крови в незначительном количестве, что не соответствует характеру полученных повреждений. Видимо, кровь осталась на одежде, которую преступник унес с собой.

Пауза.

– Убийца раздел жертву. Подготовил ее.

Несмотря на дотошность постановки, кругом было полно следов – и на трупe, и на земле – месиво из грязи и льда, как будто что-то пошло не по сценарию. Кроме следов жертвы, на земле присутствовали отпечатки ног еще одного человека. Судя по размеру (сорок пятому), отпечатки принадлежали мужчине.

Следов веревок не было ни на локтях, ни на запястьях, ни на щиколотках. Покойный был атлетического телосложения, высок и силен, и все-таки убийца его одолел, напав со звериной жестокостью.

Ты знал убийцу, поэтому и не защищался. О чем ты думал, когда понял, что умираешь?

Выражение лица жертвы не давало ответа на этот вопрос. Губы сжаты, а глаза...

Труп оставили между сточной канавой и туристической тропой. Именно здесь несколько часов назад на него и наткнулся турист.

Ошибки быть не могло: убийца намеренно не спрятал труп.

– Следов сексуального насилия нет, однако убийца раздел жертву.

Начальник местной полиции сообщил, что убитый – отец семейства, который пропал два дня назад, после того как отвез сына в школу. Машину обнаружили в сотне метров от тела, в овраге, среди деревьев. Ее столкнули вниз. На земле – отпечатки шин и обуви.

– Убийца ушел пешком. Следы ведут в лес.

Комиссар Батталья выключила запись и посмотрела в небо. Над их головами с громким карканьем пронеслась стая ворон. Нависшие тучи предвещали скорую метель.

Нельзя было терять ни минуты. Следовало пошевеливаться.

Комиссар поднялась и услышала, как захрустели суставы. Слишком много дней в своей жизни она провела на корточках. А может, дело в возрасте? Или в лишних килограммах?

– Поторопитесь с осмотром, – приказала она.

Криминалисты безмолвными белыми тенями выискивали фрагменты, невидимые нетренированному глазу. Фотогра-

фировали, брали образцы, фиксировали. Цепочка расшифровки ДНК, закрутившаяся здесь, завершится несколько часов спустя в Институте судебной медицины, в городе, в сотне километров отсюда.

Завидев полицию, к месту происшествия потянулись зеваки. Кучка туристов и местных толпилась под деревянным знаком, указывающим путь к ближайшему населенному пункту – Травени. Каких-то четыре километра. Местные выделялись на фоне остальных своими обветренными смуглыми лицами. Так обгорают не на горных лыжах, а от перепадов температур и порывов ветра.

– Мы нашли одежду, – раздался крик из леса.

«Это же пугало», – сперва подумала комиссар.

Видневшаяся среди кустов ежевики непонятная фигура из веток, веревок, листьев и окровавленной одежды казалась инородным телом.

Голову смастерили из майки убитого, набив листьями и соломой, а глаза – из двух алых ягод. Куртку и штаны нацепили на деревянную палку-скелет, а часы привязали к ветке, имитирующей запястье. Рубашка, насквозь пропитанная кровью, задервенела на холоде. Невозможно было определить ее первоначальный цвет.

Подошел полицейский.

– Следы теряются через сотню метров к северу, в скалах, – доложил он.

Преступник знал, как замести следы. Похоже, он местный и прекрасно знаком с окрестностями.

Комиссар снова поднесла микрофон ко рту, уставившись на поляну, где поваливший пару минут назад снег застилал нечеткий силуэт покойника. Кто-то спохватился и накрыл труп.

– Этот фетиш – сам убийца, – проговорила она. – Он дал нам понять, что любовался делом своих рук.

Внезапный шум сбил ее с мысли. Она напрягла слух, стараясь определить источник звука. Мимо патрульных машин из леса к поляне спешил человек, то и дело увязая в липкой грязи. Однако он и не думал сдаваться. Сшитый на заказ развевающийся пиджак да мокрая от снега и грязи рубашка – вот и все, что защищало его от непогоды. Несмотря на решительный вид, лицо молодого человека покраснело от напряжения. Или, быть может, от неловкости и стыда.

Догадавшись, кто спешит к ним навстречу, комиссар выругалась:

– Дерьмо!

Массимо увяз в топкой грязи по самые щиколотки.

Его лицо отражало целую гамму чувств: злость, отчаяние, неловкость, но в первую очередь – стыд. Он ковылял по поросшим травой кочкам, которые предательски проваливались под ногами в илистую жижу.

Все внимание криминалистов сконцентрировалось на нем: теперь они – его новая команда после перевода с прежнего места работы. Он понимал, что новый начальник тоже не спускает с него глаз.

Недавно начавшийся снег теперь валил крупными хлопьями. Попадая на его пылавшие щеки, снежинки моментально таяли.

Набравшись храбрости, Массимо посмотрел перед собой. Должно быть, комиссар Батталья – это тот сорокалетний тип, немного ниже его ростом, со смуглым лицом и с сигаретой в зубах, не спускавший с него прищуренного взгляда. Один из полицейских указал в его сторону, и Массимо направился напрямик к нему, не придав значения предупреждающим крикам коллеги. Расплата за собственное легкомыслие не заставила себя ждать: пройдя несколько метров бодрым шагом, он угодил в вязкую тину.

Этот день он запомнит надолго. Прибыв в участок с небольшим опозданием, он полчаса проторчал в коридоре,

прежде чем кто-то соблаговолил сообщить, что вся группа выехала на место преступления. Его никто не ждал и не соизволил поставить в известность. О нем попросту забыли.

Пять минут опоздания.

Массимо было подумал, что это неудачная шутка. Но дежурный заверил его, что комиссар Батталья не любит шутить. Как, впрочем, судя по выражению лица, и дежурный, заключил Массимо.

Ему ничего не оставалось, кроме как дожидаться своих в участке либо выехать на место преступления.

На свою беду Массимо выбрал второе.

Он и не подозревал, что придется два часа вести машину под проливным дождем, с обезумевшим навигатором, вперившись в полотно дороги. Когда он добрался до долины, начался гололед. На скользкой петляющей дороге машину то и дело заносило, и сердце уходило в пятки. Так продолжалось, пока автомобиль окончательно забуксовал на очередном подъеме – протекторы не обеспечивали сцепления с обледеневшим грунтом. Около него затормозил трактор. Водитель, обдав Массимо винным перегаром, заплетающимся языком предложил помощь. По его словам, в это время года тут нередко застревали туристы, и ему не составит труда дотащить его до плоскогорья.

– Дрова, навоз или машина – один черт! – добавил он.

Массимо с содроганием согласился. Окинув машину тревожным взглядом, прицепил трос, сел за руль и поставил на

нейтралку.

Вот так, на буксире, он и продолжил свой путь в Травени.

Когда ему представилась возможность взглянуть на окрестный пейзаж, мышцы спины нещадно ныли от напряжения, а голова просто раскалывалась от боли. Его окружала первозданная, невиданная прежде красота. Заснеженные вершины над тысячелетним лесом напоминали матовые лезвия, торчавшие из плотного зеленого ковра. Пейзаж, в котором было нечто мифическое, не отпускал, будя в душе пьянящее чувство. Среди кедров и кустов ежевики журчали прозрачные ручьи, пробивая себе дорогу меж скал, льдов и мха. В снегу у обочины виднелись звериные следы.

Окружающий мир разительно отличался от того, к которому привык инспектор. Тут все говорило о ничтожности человека и тщете людской суеты. Это место, однако, не было нетронутым раем: часть горного склона оголилась. Вскоре на плато Массимо заметил пару-тройку скреперов и другую технику для перемещения почвы. Здесь рубили лес.

Массимо отвел взгляд, будто увидел на прекрасной картине уродливое пятно.

За последним поворотом уже проглядывала деревня Травени, приютившаяся на плато, нависавшем над долиной. Селение раскинулось на ровном участке в окружении гор. Дома из камня и дерева были построены в альпийском стиле. Возле каждого дома аккуратно сложенные поленницы пахли смолой. В крохотном центре архитектура была несколько

иной: пастельные фасады домов в несколько этажей, скандинавские мансардные крыши, рождественские украшения из остролиста и красных бантов на балконах. Вдоль главной улицы теснились постоянные дворы, ресторанчики, продуктовый магазин и парочка пабов. У дверей одного из них толпились молодые люди с досками для сноуборда под мышкой и глинтвейном в руках: до лыжных склонов было рукой подать.

Здесь же располагалась аптека и несколько модных магазинов для туристов.

Хозяин трактора, отбуксировавший Массимо до центральной площади, отказался от вознаграждения, которое тот ему пытался всучить, и уехал восвояси, посигналив и помахав на прощание. Инспектор огляделся по сторонам. Местечко напоминало живописную почтовую открытку. Около муниципалитета приколотые к доске объявлений листовки зазывали жителей в местную школу, на собрание против строительства новой лыжной базы. Массимо вспомнил о вырубке леса у подножия горы. Видимо, и здесь, в сельской глуши, кипели нешуточные страсти.

Найти своих оказалось плевым делом: тело обнаружили неподалеку от деревни. Туда вела грунтовая дорога, проходившая по каменоломням и лесопосадке. Патрули местной полиции уже ограничили движение, установив блокпосты в обоих направлениях. Один из полицейских старательно записывал номерные знаки и личные данные любопытных вла-

дельцев, которые тянули шеи и высовывали головы из окон автомобилей.

Показав удостоверение, Массимо спросил комиссара Батталья. И вскоре угодил в трясины, из которой все еще пытался выбраться.

К счастью, начальник переключил свое внимание на других. Теперь он разговаривал с какой-то старушенцией в длинной, доходившей едва ли не до пят куртке. Таковую не упустишь в толпе: ее остриженные под каре волосы с падающей на глаза челкой были выкрашены в ядовито-красный цвет, не гармонировавший с естественными красками природы. Она указывала на что-то в сточной канаве, уходившей в лес, начальник утвердительно кивал.

Должно быть, свидетельница. Должно быть, именно она обнаружила тело.

Наконец Массимо добрался до края трясины. Кто-то протянул ему руку. Массимо поблагодарил за любезность, хотя от смущения его слова прозвучали как невнятное бормотание.

Впервые после выпуска из Академии он чувствовал себя как на экзамене. Несмотря на холод, он весь вспотел и дышал с трудом. Худшее стечение обстоятельств было трудно себе представить.

– Инспектор Массимо Марини, – представился он, протягивая руку Батталья. – Прибыл в ваше распоряжение. Меня не поставили в известность, что вы выехали на место проис-

шествия, иначе я прибыл бы раньше.

Он и сам не понимал, зачем это сказал. В его голосе звучали нотки обиженного мальчишки.

Не дождавшись рукопожатия, Массимо убрал ладонь. Он начал свыкаться с этим паршивым днем.

Мужчина смотрел на него, не говоря ни слова. Массимо показалось, что тот слегка качает головой, предупреждая о чем-то. Ему ответила пожилая особа:

– Видите ли, *инспектор*, убитый, наплевав на приличия, даже нас не поставил в известность!

У нее был сиплый голос и пренебрежительный вид.

Массимо смерил ее взглядом. Шерстяной берет с люрексом сполз на легкомысленную челку, которая никак не вязалась с морщинистым лицом и твердостью, свидетельствовавшей о колючем характере. В свою очередь комиссар тоже изучала его лицо, ища подтверждения бог весть каким своим мыслям, покусывая при этом дужку очков. Массимо обратил внимание на узкие губы, которые женщина то и дело выпячивала, взвешивая какую-то идею. Или мнение.

Под курткой угадывалось приземистое тело. Ткань, обтягивая грузные бока, натянулась до предела.

К ним подошел агент с телефоном и протянул трубку женщине:

– Вас, комиссар. Главный следователь. Спрашивает, есть ли минутка.

Она кивнула и отошла на несколько шагов, не спуская с

них глаз.

Массимо окаменел и даже не заметил, как человек, которого он принял за комиссара, пожал ему руку и представился агентом Паризи. Во рту у инспектора пересохло, все тело окоченело от холода. Он пытался сформулировать в голове извинения, которые бы не звучали по-дурацки. Но как только комиссар закончила разговор, у него вырвалась самая неподходящая фраза:

– Меня не предупредили, что комиссар – женщина!

Она посмотрела на него, как смотрят на человека, вляпавшегося в дерьмо.

– Естественно, инспектор, такая элементарная вещь просто не пришла вам в голову!

Инспектор. По сути, еще мальчишка, словно сошедший со страниц модного журнала. Тереза учуяла его одеколон за несколько метров. Он был чужим на этой альпийской пустоши, полной снега и крови, которую талая вода увлекала за собой под землю. Здесь все было в крови человека, убитого с такой жестокостью, какую не всякому полицейскому случается повидать на своем веку.

Массимо Марини – красивое лицо с налетом щетины. Небрит. Видимо, что-то пошло не так сегодня утром. Судя по всему, сегодня утром *многое* пошло не так.

Не самое удачное начало первого рабочего дня. Попытка молодого инспектора убедить всех в своей состоятельности

с треском провалилась. Однако Тереза привыкла давать людям еще один шанс – даже в таких безнадежных случаях, как этот.

Комиссара заинтересовала причина, заставившая инспектора запросить перевод из крупного города в глубинку. От чего или от кого стремился он отмежеваться сотнями километров?

«Бегут от страха, от душевной боли или в добровольную ссылку», – подумала она.

Может, дело в неразделенной любви? Однако на его лице не было следов ни бессонных ночей, ни личной драмы. Только напряжение, и виной тому – она, а не девушка из прошлой жизни. Значит, он убегал от чего-то другого.

Он стоял перед комиссаром, боясь пошевелиться, и снег устилал его поникшие плечи.

Тереза сдержала довольную улыбку. Она не упускала случая попортить нервы новичкам, и Марини не стал исключением. Он смотрел на нее с трогательным видом нашкодившего щенка. Тереза понимала, что инспектор действительно напуган: ему могли сделать выговор, обвинить в невоспитанности, да и вообще, вместо того, чтобы произвести на всех хорошее впечатление, он повел себя как последний болван.

Отвернувшись от новенького, она продолжила разговор с Паризи, прерванный гротескным появлением инспектора.

– Нужно поискать внизу возле канавы, в кустах, – сказала она.

Агент кивнул.

Тереза взглянула на Марини. Интересно, куда подевалось его пальто, или что он там носит в непогоду. Оставив этот вопрос при себе, она предложила:

– Инспектор, поищите?

Тереза заметила, как тот изменился в лице. И без возражений, в чем был, придерживаясь за ветки, полез вниз.

Тереза только покачала головой. Заносчивость, как правило, лишь усложняет людям жизнь.

Однако приказ он выполнил сразу же. Его не пришлось просить дважды.

Хороший знак: чтобы исправить ситуацию, он готов на все.

Паризи хотел было выручить новоявленного коллегу, предложив ему свои бахилы, но комиссар его остановила.

Они вдвоем уставились на инспектора, снова увязшего по щиколотки в жиже из вонючих листьев и прочих нечистот.

И хотя Терезе было немного жаль инспектора, выглядело это все довольно забавно.

– Что я должен найти? – поинтересовался он, обшаривая кусты наобум.

Ну наконец-то он обратился за помощью.

– Глаза! – ответила она. – Их все еще не обнаружили.

Австрия, 1978

В деревне ходило много баек о Школе, хотя на самом деле там почти никто не бывал. По большей части, все эти рассказы были чистой воды фантазиями, навеянными ее загадочным видом. Порой по утрам, на рассвете, здание в центральноевропейском стиле, видневшееся среди гряды облаков, напоминало мираж, сотканный из переменчивого солнечного света. Прямоугольный цоколь был сделан из камня, добытого в местных пещерах, а первый этаж облицован под рустуку. От верхних этажей его отделяла живая рамка из переплетенных лоз винограда. Центральный фасад, от которого ответвлялись восточное и западное крыло, украшали четыре ионические колонны и большие окна с треугольными фронтонами. Последний, четвертый этаж венчал полукруглый купол. На центральной мансарде располагались часы, стрелки которых на людской памяти ни разу не сдвинулись с места. Поговаривали, что они показывают время смерти своего создателя – молодого архитектора из Линца, которого ровно в три часа убило молнией, когда он подошел к озеру, чтобы полюбоваться своим творением. Даже сейчас, спустя два столетия, старики говорили, что архитектора постигла Божья кара: эти места были созданы для тишины, ветра и альпийских цветов, а не для людской гордыни.

Теперь, когда Магдалене выпала возможность рассмотреть Школу вблизи, до нее дошло, почему это место окружало столько слухов: все в этом здании было неуместным, излишним. Прихоть избалованного аристократа, не знавшего ни в чем меры.

Она добралась сюда пешком по дороге, ведущей от деревни до плоскогорья. Затем прошла по тропинке, огибающей гору с противоположной стороны, чтобы сократить путь. Озеро источало едкий запах водорослей и болотного ила. Оно казалось земной зеницей.

Оказавшись перед входом, она совсем запыхалась, а из аккуратного шиньона выбилась кудрявая прядь. Проверяя чистоту туфель, она заодно подколола и непослушный локон. Массивная дверь распахнулась прежде, чем девушка успела коснуться звонка в форме волчьей головы. На нее сурово смотрело широкое, неопределенного возраста лицо.

– Полагаю, вы и есть Магдалена? Следуйте за мной.

Медсестра Агнес Браун была точной копией Школы, в которой она обитала: неприступной и запущенной. Густые седые волосы обрамляли еще довольно молодое, вопреки ожиданиям Магдалены, лицо. Эта женщина могла бы без особых усилий выглядеть куда привлекательнее, но, видимо, в Школе царили иные порядки. На собеседование Магдалену попросили явиться без макияжа, с гладко зачесанными волосами и в неброской одежде.

С холодной вежливостью Браун показала девушке то, что считала своими владениями, судя по надменной, царственной походке, которой она шествовала среди мрамора, позолоты и остатков роскошной мебели. В здании царила такая тишина, что Магдалена спросила себя: куда подевались воспитанники?

Аккуратный вход украшала мозаика с гербом Австро-Венгерской империи – двуглавый черный орел на золотом фоне. На стенах теснились изображения охотничьих сцен. Единственным мрачным пятном в этом полинявшем царстве были настенные часы с головами мавров по бокам. Выражение их вырезанных из черного дерева лиц наводило ужас, а из распахнутых ртов торчали острые клыки из слоновой кости.

Агнес Браун заметила удивление, промелькнувшее на лице Магдалены.

– Материал для этой вещицы доставили прямо из Африки, – польщенно пояснила она. – Часы принадлежали семье управляющего. Затем он преподнес их в дар Школе.

Магдалена сочла часы отвратительными, но через силу улыбнулась.

Теперь Браун неторопливо изучала ее, скрестив руки на животе.

– Сделано со вкусом, не правда ли? – поинтересовалась она.

– Да, – пролепетала Магдалена, тут же осознав, насколько

фальшиво прозвучал ее ответ.

Взглянув на женщину, Магдалена заметила улыбку на ее лице. Агнес Браун выглядела весьма довольной.

– Не смущайся, – услышала в ответ Магдалена. – Твоя маленькая ложь говорит о том, что ты сможешь приспособиться к этому месту. Работа в Школе требует преданности. Это значит, что тебе придется поступиться личной свободой – в том числе и свободой мысли. Ты со мной согласна?

Магдалена и сама не заметила, как утвердительно кивнула. В этой женщине было нечто пугающее. Как и со Школой, с ней что-то было не так.

Взрослые были чем-то напуганы. Матиас понял это по тревожным взглядам, которые мама то и дело бросала на него, разговаривая с учительницей и остальными родителями, будто дергала невидимый поводок, чтобы держать сына при себе даже на расстоянии. Мама качала на руках Маркуса, его новорожденного братика. И хотя тот давно уснул, она так и не положила его в коляску.

В актовом зале школы то и дело раздавался нервный шепот. Яркий свет проекторов высвечивал разноцветные костюмы, брошенные прямо на сцене. Репетицию рождественского представления прервало появление двух мужчин, которых Матиас прежде никогда не встречал. Поговорив с учительницей, они направились к маме Диего, и после короткого разговора та последовала за ними как зомби – бледная и подавленная. Если бы не оклик мамы Матиаса, она так бы и ушла, не вспомнив о сыне. Вернувшись, она попросила Диего вести себя хорошо, слушаться учительницу и оставаться в школе, пока за ним не придет бабушка. Голос ее при этом сильно дрожал.

Матиас нашел Диего взглядом. Тот сидел в зрительном зале, уставившись сквозь оконное стекло на черное небо. С каждым днем темнело все раньше: казалось, ночь отбрасывает свою мрачную тень и на людей. Деревня Травени уже

не была прежней. В последние часы ее лихорадило от подозрений, обрушившихся на жителей как снег на голову. С тех пор как пропал отец Диего, страх отравлял даже воздух.

Матиас подошел к приятелю, лицо которого в столпе света со сцены напоминало грустную и немного сердитую луну. Матиас и хотел бы утешить друга, но понимал, что слова тут бессильны.

Отец Диего мертв. Никто еще не произнес этого вслух, но мальчики знали, что так оно и есть. Так знают, что удар непременно попадет в цель; так знают, что поднимается температура, даже когда лоб еще холодный.

Матиас скомкал свой берет на манер мяча и бросил другу. Молниеносным движением Диего поймал его, не отрывая глаз от черного окна.

На лице Матиаса промелькнула улыбка. Диего все еще с ним, хотя и в полном смятении. Они были и лучшими друзьями, и постоянными соперниками. Однако сейчас Матиасу хотелось сказать, что он больше не хочет быть первым, пусть Диего займет его место, ведь у него есть все качества лидера. Но он смолчал, понимая, что так будет нечестно. Они и дальше будут соперничать друг с другом, снова и снова, но это никак не отразится на братских узах, которые их связывают.

Эти слова уже были готовы сорваться с губ Матиаса, как вдруг внезапная мысль заставила его произнести нечто совершенно другое:

– Где Оливер? – спросил он.

При звуке этого имени Диего пришел в себя. Оливер был всего на год младше, но друзья опекали его и стояли за него горой.

Они тревожно переглянулись. Нужно непременно найти Оливера. И защитить, ведь здесь, в стенах школы, он особенно в этом нуждается.

Коридор, ведущий к школьному туалету, вился бесконечной темной лентой. Кто-то потушил свет, и классы, пахнущие мелом и бумагой, казались огромными черными дырами.

Оливер сглотнул и испугался шума слюны в горле. Попытался нашарить выключатель, но не вспомнил, где тот находится: ему еще не доводилось включать свет самому. Снова обернулся к спасительному слабому пятну: за углом, посередине второго коридора, располагался актовый зал.

«Я тут не один», – повторил он.

Посмотрел вперед. Он уже преодолел несколько страшных метров без посторонней помощи.

Оливер знал: он где-то там, в темноте, складывает на место инвентарь в спортзале или закрывает окна в столовой. Он всегда ходил бесшумно и сурово смотрел на всех. Но только Оливер знал, кто он такой на самом деле – злодей из сказок. Жестокий без причины и без меры. При этой мысли у мальчика скрутило живот.

Оливер несколько раз моргнул. Ему казалось, что темно-

та, липнущая к ресницам, коже и одежде, вот-вот припечатает его своим весом к полу. Он сделал шаг, другой. Представил, что оказался внутри темного шара и движется к его центру, удаляясь от света.

А вдруг из темноты появится рука и утащит его... Оливер отогнал от себя эту мысль, но боль в животе то и дело напоминала о ней. Дверь в туалет должна быть где-то здесь. Еще несколько метров – и он коснется ее руками, выставленными вперед, и яркий свет унесет прочь все страхи. Как обрадуются Матиас и Диего, теперь-то он им почти ровня!

Он сделал несколько шагов вперед и наткнулся на гладкую стену. Нащупал в темноте дверь и опустил ручку вниз. Резкий запах хлорки и химии, ударивший в нос, подсказал, что он не ошибся.

Оливер замешкался, пытаясь найти силы, чтобы протянуть руку в плотную тьму.

– Ну я и дурак! – проговорил он, сгорая от стыда, хотя вокруг никого не было.

Сжав губы, вытянул руку вперед. Его трясло от холода и кидало в жар. Наконец он нащупал выключатель. Щелчок – и с легким потрескиванием одна за другой загорелись неоновые лампы.

Голубой кафель отражал холодный свет. Из плохо закрученного крана в одной из раковин капала вода.

Оливер облегченно выдохнул – никто не подкарауливал его в темноте. Он приблизился к кабинкам: все три двери,

стоявшие в ряд, были распахнуты настежь. Выбрал среднюю и принялся расстегивать брюки. Разделавшись с первой пуговицей, замер на месте.

В туалете кто-то был. Прямо у него за спиной. К его дыханию присоединилось чье-то еще – с тяжелым запахом чеснока и сигарет.

– Привет, гаденыш!

Оливер медленно обернулся, не в силах противиться этому развязному голосу. Он весь дрожал.

Из-за возвышавшейся над ним тени своего извечного кошмара Оливер ощущал себя размером с ноготок.

Абрамо Визель работал школьным сторожем в Травени. Он был старше родителей Оливера, но моложе бабушек и дедушек. Тело его было настолько огромным, что при ходьбе его мотало из стороны в сторону, как корабль в бушующем море. Однако Оливер не считал Визеля толстым. Всякий раз, когда он натыкался на сторожа и терпел его издевательства, в его мозгу всплывало слово «сильный». Как злодей в комиксах про супергероев. Насколько сильный, что может раздавить его голыми руками.

Он взглянул на кулаки сторожа: каждый размером с его голову. Представил, как тот сжимает ее своими короткими волосатыми пальцами.

– И как у тебя хватило духу прийти сюда в одиночку? – сказал сторож. – Плохая идея!

Оливер промолчал. Он уже понимал, что любое слово бу-

дет неправильным. Синьор Визель так развлекался: глумился над ним с того самого дня, как появился в школе. Пока только на словах, но Оливер догадывался, что это до поры до времени. Он снова перевел взгляд на руки сторожа и заметил, как по ним пробегают легкие судороги, заставляя мышцы под кожей подрагивать. Это походило на то, как речная рыба выпрыгивает из воды, чтобы схватить добычу.

Мальчик догадывался, что добычей Визеля, способной утолить самый сокровенный голод, был его, Оливера, страх. Он посмотрел ниже, на огромное брюхо сторожа, загородившее проход.

– Меня там ждут, – наконец пролепетал он на одном дыхании.

Брюхо сторожа заходило ходуном от ехидного смешка.

– Ты пришел сюда отлить. Так чего встал? Вперед! – приказал он, заблокировав плечом дверь.

Оливер зажмурился. Мочевой пузырь раздулся так, что стало больно.

– Отпустите меня, – сказал он. – Ну пожалуйста.

– Никуда ты не пойдешь. Будешь стоять тут по стойке смирно, пока в штаны не напрудишь.

Оливер почувствовал, как из глаз покатались слезы.

– Ну что нюни распустил, как девчонка! – продолжал глумиться сторож.

Оливеру пришло в голову, что, хотя Лючия и девчонка, она все равно храбрая и сильная. Распахнув глаза, он по-

смотрел на своего мучителя сквозь пелену слез.

Тот подался вперед со словами:

– Ты же знаешь, что я с тобой сделаю, если хоть слово кому сболтнешь?

Оливер ничего не ответил.

– Я приду к тебе ночью, когда ты заснешь, и...

Визель сделал вид, что хватает его. Оливер едва не закричал, а Визель зашелся от хохота. Но тут что-то ударило его по лицу и упало на пол.

Оба уставились на перепачканную мелом губку, оставившую белый след на щеке сторожа.

Визель обернулся, а Оливер со всей мочи ринулся в образовавшийся просвет между дверью и телом сторожа.

– Стой! Ты куда? – неслось ему вслед, но Оливер уже был в безопасности.

Матиас и Диего встали стеной между ним и его мучителем.

– О! Явились не запылились твои защитнички! – хрюкнул сторож. – Когда ты перестанешь быть таким ссыкуном?

– Не трогайте его! – сказал Матиас.

– А тебе чего, Клавора? Папаша мало порол на этой неделе, хочешь еще?

Сторож вытер мел со щеки.

– И Валент-младший тоже здесь, – не унимался сторож, переключившись на Диего. – Ну а твой старик и подавно плохо кончил.

– Не надо! – прокричал Матиас, но к нему никто не прислушался.

Оливер видел, как товарищ схватил Диего за руку и попытался увести прочь, но тот будто окаменел.

– Пойдем отсюда, – умолял Матиас.

– Я слышал, о чем трепались полицейские там, на парковке, прежде чем увезти твою мамашу, – подмигнул Визель. – Хочешь, расскажу?

Диего стоял, не говоря ни слова, и неотрывно смотрел на сторожа. Оливер подумал, что друг сейчас похож на загнившего.

– Хочешь, расскажу, как его грохнули?

Тут уже все трое обратились в слух.

Абрамо Визель вытянул руки, скрючил пальцы как когти и медленно поднес их к лицу Диего.

– Его отвезли в лес и вырвали глаза! Вот так!

Жуткий рассказ прервал голос учительницы из коридора. Матиас схватил Диего и Оливера и потащил прочь.

До них еще долго долетали жалобные причитания Визеля, сетовавшего на слабое здоровье и на то, как он устал драить сортиры после проделок невоспитанных мальчишек. Даже не оглядываясь, Оливер не сомневался, что одной рукой Визель мнет губку, а другой – подпирает поясницу.

Вместо этого он взглянул на Диего и не узнал друга. Тот стал мертвенно-бледный, как покойник. Точь-в-точь как его отец.

В полутемном помещении на экране друг за другом мелькали снимки, сделанные на месте преступления.

Крупный план сжатых синюшных губ. Капилляры, разбегавшиеся под кожей, словно ручейки. Бледная грудная клетка. И две черные впадины вместо глаз.

Такие снимки – основа основ каждого дела. Тот пластик, из которого со временем слепится лицо – лицо убийцы, оно впоследствии обретет и имя. Именно составление профиля – психологического портрета – позволяет выйти на преступника.

Тереза смотрела на экран, утонув в кресле между двумя друзьями – главным следователем Амброзини и заместителем прокурора Гардини, – соблюдавшими на службе строгую субординацию. За ними разместилась оперативная группа.

Все они совсем недавно вернулись в участок с места преступления, продрогнув до костей. Расследование только началось, и рабочий день грозил плавно превратиться в рабочую ночь.

Глаза Терезы, воспаленные от усталости, тем не менее внимательно смотрели на экран.

Еще снимки – на сей раз запечатлевшие девственную природу. Среди растительности тут и там виднелись таблички и надписи, расставленные криминалистами. Такими таблич-

ками обозначали всё: следы крови, отпечатки обуви, ветки, обломанные зверем в человеческом обличье.

И, наконец, самая впечатляющая из этих макабрических находок: Тереза почувствовала, как дыхание сидевшего рядом заместителя прокурора участилось. В этот момент она окончательно поняла, что они имеют дело не с «обычным» убийством. Помимо психической составляющей, в этом деле проглядывало нечто еще более опасное, чему она пока затруднялась подобрать название.

Привычные мотивы не могли пролить свет на это преступление. Человеческий разум не в состоянии сотворить такое из ревности, мести либо из-за денег. Появившийся на экране тотем нес в себе глубинный смысл. Он требовал к себе внимания, потому что о многом мог рассказать.

– Вот это, пожалуй, больше всего и пугает, – пробормотал Амброзини.

Тереза разделяла его мнение, но теперь, когда она пригляделась внимательнее, в голове у нее промелькнула смутная догадка. Но ухватить ее суть никак не удавалось: мысль, вертевшаяся на поверхности, то появлялась, то сразу же исчезала, как только Тереза подбиралась к ней вплотную.

– Что-то не так? – поинтересовался заместитель прокурора.

Она помедлила, надеясь, что ощущение обретет форму, но все было напрасно. В конце концов она лишь молча покачала головой. Вводить коллег в заблуждение своими ничем

не обоснованными подозрениями не хотелось. И все же, если отвлечься от всех обстоятельств, если не обращать внимания на пятна крови, чучело поневоле наводило на мысли о чем-то ребячливом – в каком-то смысле даже игривом...

Тереза уставилась на сделанные из ягод глаза.

– Нужно понять, где убийца их раздобыл, – сказала она. – Я не видела поблизости никаких ягод. Думаю, это важная деталь.

Заместитель прокурора кивнул.

– И что это значит? – спросил он.

Тереза была не до конца уверена, однако ответила:

– Убийца хотел, чтобы у чучела были глаза. Если чучело – это наш убийца, значит, он за чем-то наблюдает.

Но за чем? За агонией жертвы или за деревней неподалеку?

Во время осмотра места преступления Тереза отметила, что глаза чучела устремлены на деревенскую колокольню, и это ее потрясло.

– Отсутствие рта намекает на немоту, – вставил Гардини.

– Таким образом убийца экранирует эмоции, – пояснила Тереза. – Мы не знаем, что он чувствовал в тот момент – злость или страх, беспокойство или возбуждение.

Заместитель прокурора тяжело вздохнул.

– Убийца не оставил нам ничего, что могло бы указать на его мотивы, – пробормотал он.

– Он *и не собирался* ничего оставлять, – поправила его

Тереза. – Не думаю, что мы имеем дело с обычной забывчивостью.

– Почему ты пришла к такому выводу?

– Да потому, что он выверил все до мелочей. Вероятно, долго вынашивал свои фантазии. Мы должны были обнаружить жертву именно в таком виде. Помните силки из бечевки? Наш убийца – перфекционист.

– Значит, он довел нас до определенной точки, а затем решил спутать нам все карты?

Тереза кивнула.

– Мне кажется, отсутствие носа – тоже своего рода знак, – проговорила она. – Обоняние – более чувственное восприятие, чем зрение. И тесно связано с половым влечением...

– Если ты права, то какой вывод из этого напрашивается?

Тереза потерла глаза. От нее ждали не просто ответа – от нее, как всегда, хотели озарений, способных помочь раскрыть преступление прямо здесь и сейчас. Или, на худой конец, хотя бы выбрать правильное направление расследования.

– Слишком рано говорить о выводах, – ответила она.

Однако Гардини и не думал отступать.

– Скажи только, что у тебя на уме, – четко произнес он, и мягкость в его тоне уступила место настойчивости.

– Я пока не готова ограничиться какой-то одной версией, – ответила Тереза тем же тоном, не глядя на Гардини.

Тот придвинулся к ней почти вплотную.

– Не беспокойся, – заверил он, – никто не собирается тебя ограничивать, пока ты не определишься с версией.

– Я вам не гадалка на кофейной гуще, – прошептала она тихо, чтобы ее не слышали на галерке.

– Никто этого и не говорит, – вмешался главный следователь. – Но ты никогда не ошибаешься. Или почти никогда. Поэтому мы и настаиваем.

Она вздохнула. Им не понять тяжести стоявшего перед ней выбора.

– Я пока не вижу четкой картины, – начала она. – Но если отсутствие органов чувств не случайно, то мы имеем дело с глубоко подавленной, сексуально нездоровой личностью. Однако не стоит торопиться с выводами, – вернулась она к объяснениям.

Теперь фотографии на экране изображали снятые с разных ракурсов часы жертвы, пристегнутые циферблатом внутрь к ветке, заменявшей запястье. Тереза не имела ни малейшего понятия, что это могло значить.

– А глаза жертвы? – шепотом спросил Амброзини, теребя кончики подернутых сединою усов. Он не оставлял их в покое в течение всего разговора.

– Мы их не нашли, – ответила она. – Возможно, их утащили птицы. Или прихватил в качестве трофея убийца. У зрения огромный символический смысл. С его помощью человек изучает, наблюдает и оценивает все вокруг, – пояснила она, жестикулируя. – Зрение пробуждает желания, порой

запретные. Считается, что глаза – зеркало души. В этом есть доля истины: убийцы часто завязывают глаза своим жертвам, прежде чем нажать на курок.

Гардини обернулся. Тереза почувствовала на себе его недоумевающий взгляд.

– Трофеи, символы... Мы имеем дело не с серийным убийцей! – наконец подытожил он.

Тереза лишь пожала плечами, вперив взгляд в мелькавшие на экране фотографии.

– И все-таки здесь есть что-то ненормальное, – заметила она. – Думаю, с мотивом придется повозиться.

– Психическое расстройство налицо – мы этого и не отрицаем, однако...

– Дело не только в этом.

– А в чем?

Терезе не хотелось этого говорить, но если в поведении убийцы действительно превалировал психоз, то это противоречило скрупулезности, просматривавшейся в других деталях преступления.

Либо ты полный псих, либо – холодный и расчетливый убийца. Одно из двух.

– Думаю, многое прояснится после разговора с патологоанатомом, – ушла она от ответа. – Я возьму с собой этого новенького, Марини.

Главный следователь утвердительно кивнул.

– Хочешь его помучить? – тихо спросил он с легкой

усмешкой.

Тереза искоса взглянула на новичка. Марини стоял прислонившись к стене. Судя по его непрезентабельному внешнему виду, попытки очистить перепачканную одежду при помощи мыла и воды оказались тщетны.

– Слегка, – ответила она на ходу. – Самую малость.

Институт судебной медицины никого не оставлял равнодушным – особенно ночью, когда внутри едва горел свет, а из персонала оставались только дежурный врач и пара санитаров. Если в светлое время суток институт ничем не отличался от обычного больничного отделения с шумными коридорами и аудиториями, переполненными интернами, то с наступлением тьмы являл свой истинный, тревожный облик. Гробовая тишина срывала покров обыденности и оголяла суть этого заведения – конечный пункт земного существования. Кругом витала печаль, как будто тела в холодильных камерах вбирали в себя боль родственников, а слезы и стенания оседали на стенах.

«Смерть уходит в землю, а не в цемент», – подумала Тереза, минуя полутемные комнаты, где неподвижность сковала даже то, что в обычном мире двигалось. Стены без окон не пропускали ни солнечный свет, ни воздух, а выключенная аппаратура не издавала ни звука. Здесь не было места жизни. Заведовал этим пустынным царством Антонио Парри.

Тереза и Марини застали его за подготовкой к завтрашнему рабочему дню.

Комиссар постучала в открытую дверь. Она никак не могла привыкнуть к ребячливому виду этого маленького человека с копной седых непослушных волос: юркий и шустрый,

он смотрел на мир широко распахнутыми голубыми глазами из-за стекол очков. С этим обладателем любознательного, острого ума Тереза зачастую делилась первыми впечатлениями о новых делах.

– Тереза, ты вынуждаешь меня работать сверхурочно, – притворно пробурчал Антонио, расплывшись в улыбке. Он оставил бумаги и жестом пригласил войти. Взглянул на Марини и приветственно кивнул головой. Пусть он смотрел на новенького каких-то пару секунд, но вполне смог бы описать того в подробностях – в этом заключалась его работа, которую он проделывал как с живыми, так и с мертвыми.

– Ты мне как раз и нужен, – произнесла Тереза. За этими словами скрывалось многое: ее беспокоил из ряда вон выходящий случай и хотелось услышать слова поддержки от человека, который мыслит, как она.

– Идемте, – проговорил патологоанатом. – Покойник ждет.

Тело, лежавшее на стальной кушетке, было накрыто белоснежной простыней с запахом стирального порошка. Парри не скупился на знаки внимания для своих подопечных, заботился о них. Однажды Тереза застала его за тем, как он менял перепачканную простыню. Покойнику уже все равно, а вот близким – нет. Антонио прекрасно понимал, что подобные вещи играют не последнюю роль. Присутствие судмедэксперта разбавляло унылые краски, делая это место терпи-

МЫМ.

Жена опознала убитого несколько часов назад, в лесу, до того, как тело доставили в морг. Теперь у них имелось имя, но отсутствовали факты, повлекшие за собой столь плачевный финал.

– Мы закончили с анализами, – объяснил Парри. – Взяли образцы, мазки, соскобы... В общем, осталось сделать аутопсию и дожидаться результатов.

Судмедэксперт откинул простыню.

Кивнув, Тереза посмотрела на труп. Глазные впадины закрывала марля. Еще один жест милосердия.

– У убитого не было половых контактов перед смертью. Характер повреждений лица свидетельствует о ярости и жестокости нападавшего. На мой взгляд, у преступника не было оружия. Он справился голыми руками и даже оставил нам уйму отпечатков.

Тереза краем взгляда заметила, как Марини приподнялся на цыпочках. До этого момента он держался в стороне, периодически вытягивая шею, чтобы разглядеть покойника.

– Он не кусается, – сказала комиссар. – Подойди и рассмотри его хорошенько.

Не зная, как себя вести, инспектор нерешительно приблизился. Тереза догадалась, что молодой полицейский стесняется собственного тела. Не знает, куда деть руки и с какой стороны подойти к трупу.

– Я не знаю, что делать, – признался он. – От меня тут

мало толку.

– Не знаешь, что делать с мертвецами? Так смени профессию или учись!

Тереза переключила внимание на Парри:

– Хочешь сказать, убийца вырвал ему глаза голыми руками?

– Думаю, да. Убитый умер не сразу, а спустя несколько часов, судя по отдельным зарубцевавшимся капиллярам. Однако точную причину смерти я смогу назвать только после вскрытия. В любом случае он умер в день исчезновения. Я бы исключил смерть от удушения: трахея не повреждена, на шее нет кровоподтеков.

– Разве от таких ранений не умирают? – подал голос Марини.

– Новенький? – поинтересовался Парри.

– Ага, – кивнула Тереза.

– Нет, молодой человек, от таких ранений не умирают.

– Если он умер спустя несколько часов, выходит, убийца наблюдал за агонией, – прошептала Тереза, погруженная в собственные мысли. – Или вернулся позже, чтобы уложить тело так, как планировал.

– Мы обнаружили фрагмент ногтевой пластины в одном из глазных отверстий, – тем временем продолжал патологоанатом. – Я отослал его в лабораторию на ДНК-анализ.

Какая-то мысль не давала Терезе покоя, и это не ускользнуло от внимания Парри.

– Что-то не так? – спросил он.

– Всё. Ничего. Не знаю...

Тереза сняла очки и принялась нервно протирать линзы краем рукава.

– Складывается впечатление, что убийц в этом деле двое. Один, холодный и расчетливый, оставил нам сообщение с помощью тела (но какое?), расставил силки, чтобы труп обнаружили в нетронутом виде, и спрятал автомобиль, чтобы его не нашли раньше времени. Второй – совершенно неуправляемый, как животное. То, как он расправился с жертвой около дороги, ничуть не заботясь, как бы его не заметили прохожие, без оружия и подручных средств, свидетельствует о том, что он действовал импульсивно. И оставил уйму улик, наплевав на меры предосторожности.

Они вернулись к осмотру.

– На теле нет следов укусов, – сказала Тереза.

– Да, я тоже обратил на это внимание.

– Когда нападает садист, – пояснила комиссар для Мари-ни, – на теле часто остаются отметины зубов. Убийца полностью теряет контроль и упивается своей жестокостью. Но не в нашем случае. На теле ни царапины. Его интересовало исключительно зрение, остальное он не тронул.

– Полагаю, даже это тебя не убедило? – предположил Парри.

Тереза кивнула.

– Я не вижу его. Со мной такое впервые. Я не понимаю,

с кем имею дело.

– Возможно, это и неплохо, – вмешался Марини. – Я про отсутствие скоропалительных выводов. Судить о типаже убийцы слишком преждевременно.

Тереза посмотрела на него с тем же выражением, что и утром, когда он прибыл на место преступления, – вызывающе и недовольно. Она просто не могла поверить, насколько наивным может быть человек.

– Ты не понял, о чем я, – ответила она.

– Да нет, понял.

Она покачала головой.

– Инспектор, это был не вопрос.

– Профиль? – вмешался Парри в словесную перепалку.

Тереза была в нерешительности.

– Давай! – подбодрил ее медик. – Это написано у тебя на лице!

– У нас единичный случай, Антонио. Профиль, как ты знаешь, используют для других целей...

– Но ведь тебя это беспокоит, верно? Налицо ритуальность, ты это подметила. А ритуальность порождает серию – так и появляются серийные убийцы.

Тереза покусывала дужку очков. Она устала, проголодалась и заметно нервничала. Парри давно ее знал и читал ее мысли как открытую книгу.

– Ему от двадцати пяти до тридцати, – наконец проговорила она. – Живет один. Худощав и при этом чрезвычайно

силен – убитый был далеко не слабак. Относится к дезорганизованному типу, но только отчасти. Пользуется не только силой, но и мозгами. Умен, однако мне кажется, в жизни многого не добился из-за проблем с психикой: вполне вероятно, в школе учился плохо и теперь работает где придется. Интроверт. Думаю, он никогда не жил с женщиной. Возможно, страдает от сексуальных расстройств.

Марини выдохнул. Неосознанное действие, выдающее недоумение, отметила про себя Тереза.

– Ты с чем-то не согласен и хочешь это обсудить? – поинтересовалась она.

Тот лишь удивленно развел руками.

– Вы полагаете, я пришел сюда просто так? Естественно, я хочу обсудить, высказать свое мнение, поспорить, наконец! Но обсудить конкретные факты, а не...

Тереза улыбнулась: с подобной реакцией она сталкивалась не впервые.

– Ты прав, – согласилась она. – Смерть – вполне конкретная вещь, не находишь? Чувствуешь запахок?

Глаза инспектора загорелись: видимо, он устал от ее нападков.

– Чувствую. А вы? – ответил он вызывающе.

Парри открыл было рот, чтобы вмешаться, но Тереза остановила его взглядом. Ее не заботило нарушение дисциплины. Как знать, вдруг у молодого инспектора, кроме костюма с иголки и недовольного личика, имеется еще и характер?

– На чем основываются мои выводы? – проговорила она, приблизившись. – На опыте. И на статистике. И на сотнях профилей тех, кто убивает таким же способом. *Особым* способом. Никакой мистики. Я не гадаю, а изучаю. И тебе советую.

Ночной воздух был колюч и свеж. Тереза старалась дышать полной грудью, чтобы прогнать навалившуюся печаль. Подобное ощущение охватывало ее всякий раз, когда она выходила из Института судебной медицины, и ничуть не притуплялось ни с годами, ни с количеством вскрытий, на которых ей довелось присутствовать. Это походило на кратковременную остановку дыхания.

Она заспешила к машине, за ней след в след шел Марини. Инспектор был зол, на его месте Тереза ощущала бы то же самое. Именно этого она и добивалась: немного праведного гнева и злости. Всего того, что дает энергию и силы.

Инспектор нагнал ее.

– Что я вам сделал? – спросил он.

Тереза сделала вид, что не понимает.

– За что вы меня ненавидите? За то, что опоздал? Даже если так, разве я заслужил, чтобы меня унижали?

Тереза рассмеялась.

– Ненавижу? С чего ты взял? А по поводу унижений... Сам виноват. Тебя никто не тянул за язык.

– Ну вот опять! Это же очевидно, что вы на меня зли-

тись, – настаивал он.

Замедлив шаг, Тереза остановилась. Подняла голову и взглянула на обеспокоенное лицо инспектора.

– Очевидно здесь только то, что ты совершенно некомпетентен, – произнесла она. – Я не права? Так убеди меня в обратном! Жду твой отчет о сегодняшних событиях. И поторопись, времени у тебя в обрез.

Настал час полуночных хищников, выбирающихся из потайных нор и гнезд, спрятанных на самых высоких ветках. Приглушив запахи леса, снег лишил их возможности полагаться на нюх, предложив взамен звуки: чуткое ухо различало шорох грызунов, хозяйничавших на опушке. Хищники терпеливо выжидали и, как только добыча выбиралась из укрытия, впивались в нее острыми когтями.

В лесу с жизнью расставались тихо, в неравной схватке.

У каждого хищника, как и у него, была своя территория. Звери не изменяли своим тропам – так он научился их узнавать. Шел по звериным следам, прислушивался к звукам. Охотился то по-соколиному, то по-лисьему. Хотя предпочитал ставить силки и по возможности отнимать жизнь, не причиняя страданий. Без явных на то причин предсмертные крики несчастных созданий вызывали в груди давящее ощущение, от которого становилось нехорошо. Он знал, как умерщвлять: одно движение – и шея обмякала, дыхание прекращалось.

Ночь была ясной, будто созданной для охоты. Тучи рассеялись, и снежный покров искрился при свете луны. Он расставил капканы утром, пока звери отдыхали в своих убежищах. Теперь предстояло собрать урожай трепетавших жертв. Он приближался к силкам против ветра, прокладывая в сне-

гу глубокую борозду сильными ногами. Вот не遠деке уже замелькала тень добычи. Большая, опрокинутая навзничь, она молотила воздух длинными грациозными ногами в отчаянных попытках подняться, но лишь еще сильнее запутывалась в силках. Животное фыркало от усилий, стараясь вырваться на свободу.

Он осторожно подошел, чтобы не напугать оленя. Положил руку на шею животному, чтобы успокоить перед тем, как затянуть петлю. И тут с досадой заметил, что в силках самка.

На секунду он замешкался, раздумывая, как поступить.

Зима предстоит долгая и суровая, он догадался об этом по внушительным запасам желудей в беличьих норах. С приходом холодов он каждый раз проверял норки белок и ежей в надежде выведать, чего ждет животный мир от грядущей зимы. Такой прогноз никогда не подводил, а значит, через одну-две луны ему понадобится мясо, чтобы пережить холода.

Он провел рукой по шелковистой серо-бурой шерсти. В широкой груди животного билось мощное сердце. Живот, покрытый легким пушком, был теплым, а в сосках скопилось молоко.

Он огляделся вокруг и среди деревьев увидел олененка. Тот не сводил с него огромных влажных глаз. На узкой мордочке трепетали ноздри, жадно втягивая воздух в попытках распознать новый запах: не хищник ли перед ним? Если олененок все еще с мамой, значит, это его первая зима. Вместо рожек под бархатистой шерсткой виднелись два бугорка.

Летом они превратятся в рога, которые зимой отпадут, чтобы вырасти снова, и так, раз за разом, будут становиться все мощнее и величественнее.

«Олененок уже подрос, выживет и один», — подумал он.

Казалось, самка поняла его мысли и встретила с ним взглядом. Тяжело дыша, она перестала сопротивляться. Он обхватил руками расслабленную шею. Оставалось лишь потуже затянуть петлю. Для этого нужна недюжинная сила, но ему ее не занимать.

Однако вместо этого он расслабил веревку. Пинком помог растерянному животному, не ожидавшему спасения, подняться на ноги. Погладил по прямой и сильной спине, ощущая, как внутри оленихи клокочет первобытная сила.

Крикнул и проводил взглядом олениху, метнувшуюся в лес, к своему детенышу.

Сам он остался сидеть на снегу с бешено колотящимся сердцем. Так случалось всякий раз, когда жизнь брала верх над его инстинктом охотника.

Он нашел клочок сухой земли, усыпанный хвоей и приклонился спиной к стволу. Желудок напомнил о себе звучным урчанием. Тогда он извлек из кармана два свертка в перепачканной бумаге. Из первого достал одну-две полоски сушеного мяса и положил в рот. Содержимое второго не тронул. Там хранилось нечто ценное.

Роберто Валент – так звали убитого. Инженер по профессии, родом из здешних мест, Валент уехал на учебу в университет и вернулся с женой и ребенком совсем недавно, когда местные красоты, восхищавшие спортсменов и туристов, оживили туристический бизнес. Роберто отвечал за сооружение новой горнолыжной трассы.

Дом из темного дерева и известняка, где обосновались Валенты в Травени, напоминал горное шале. Размером с виллу, он расположился на покатой лужайке фасадом на юг – вероятно, в летние месяцы здесь все было залито солнцем. Вокруг не было ни забора, ни ограды – только опустошенные зимой клумбы обозначали границы владения.

Пожилая женщина со скорбным видом снимала с окон рождественские украшения, словно дому тоже полагалось облачиться в траур. Одета в черное, она казалась сухопарой. Увидев, как к дому подъезжает полиция, женщина скрылась за ставнями.

«Скорее всего, мать убитого», – предположила Тереза. Ее догадка подтвердилась несколько минут спустя, когда они позвонили в дверь. Им открыла эта женщина с красными от слез глазами, смотревшими из-под набрякших век. Сказав, что невестка ждет в гостиной, она вызвалась их проводить. Женщина шла по паркету, натертому пчелиным воском, во-

лоча ноги в войлочных тапках. На соболезнования Терезы она ответила лишь всхлипом. Седая голова, костлявые плечи – она казалась воплощением хрупкости. И все же внутри у нее имелся крепкий стержень, раз гибель сына ее не сломила.

– Присаживайтесь. Марта сейчас придет, – сказала она перед тем, как удалиться на кухню.

Тереза предпочла диван, Марини – кресло. Сегодня утром он явился на работу в джинсах и удобной обуви, не забыв, впрочем, про пиджак и стильное пальто. При виде инспектора Тереза не без удовольствия отметила изменения в лучшую сторону. Все утро они провели на месте преступления, все еще огороженном, но уже без аппаратуры криминалистов. Чтобы найти убийцу Роберто Валента, им предстояло выяснить динамику преступления – шаг за шагом, вплоть до последних секунд – и ответить на вопрос: почему он был убит?

Решение, возможно, подскажут те, кто был близок с жертвой, хотя Тереза особо на это не рассчитывала. Они приехали сюда, скорее чтобы соблюсти формальности, составить первое впечатление о деле и заверить родных, что полиция делает все возможное для поимки преступника.

Гостиная, как и весь дом, была обставлена в стиле шале. Дерево цвета меда скрипело под ногами, им были облицованы стены и потолочные балки. Через неравные промежутки его разбавляли натуральные ткани – бархат, шерсть и

фетр. Вся обстановка была подобрана со вкусом: в шкатулках в форме сердец лежали пряники и засахаренные фрукты, старинные сосуды из олова и меди служили вазами для душистых трав и звездочек аниса, обволакивающих комнату приятным ароматом. Мягкие подушки были обшиты кружевом. У входа на журнальном столике стоял старинный вертеп. Однако изюминкой гостиной, притягивавшей взгляды, был встроенный камин, занимавший почти всю стену и исходивший приятным теплом. По обе стороны от камина стояли банкетки, обтянутые тканью. В былые времена вечерами именно здесь после тяжелой работы в лесу или на конюшне собиралась вся семья.

Но семья, обитавшая в этом доме, осиротела. Вечера, на смену которым придут нескончаемые отчаянные ночи, уже никогда не будут прежними. А в Травени – Тереза в том нисколько не сомневалась – ночи тихие. В таких местах улицы пустеют с первыми сумерками. А теперь местные жители и вовсе просыпаются с мыслью, что по темным улицам бродит убийца.

Вскоре к ним присоединилась вдова. Марта Валент была миловидной женщиной, и с первых же секунд ее появления гостиная наполнилась тревогой. Она вяло ответила на рукопожатия, будто хотела поскорее покончить с неприятной обязанностью, и выслушала подобающие случаю фразы, потупив взгляд. Затем присела на диван, на самый его краешек, в противоположный от Терезы угол. Тереза обратила

внимание, что ее красота лишена индивидуальности – просто набор правильных черт и приглушенных красок. Глазу зацепиться не за что, хотя небольшой изъясн или индивидуальная особенность могли бы придать ей шарма. Платье повторяло контуры тонкого, продолговатого, лишенного изгибов тела. Казалось, одежда давит на нее своим весом. Хотя с фотографии на книжной полке им улыбалась упитанная женщина и, судя по всему, снимок был свежий. «Должно быть, она больна», – решила Тереза.

Появление матери убитого со звенящим подносом прервало повисшее молчание. Гостиная наполнилась кофейным ароматом. Женщина протянула дымящиеся чашки Терезе и инспектору, а кофе невестки осталось стоять на подносе.

– Никто не желал Роберто зла. У него не было врагов, – вдруг произнесла молодая хозяйка.

Прежде чем ответить, Тереза допила кофе.

– Ну как минимум один враг у него все-таки был, – ответила она.

– Тот, кто... кто это сотворил с ним, не враг, а сумасшедший!

– Или два в одном.

Марта Валент ушла в себя как улитка в раковину. Такая явная реакция натолкнула Терезу на мысль, что в мирке Валентов не принято говорить без обиняков. Тереза решила впредь вести себя с ней потактичнее. Ее прямые выпады и колкости будто намекали, что Марте есть что скрывать. В

действительности же (по крайней мере, на данный момент) перед ней сидела жертва, потерявшая спутника жизни и отца своего ребенка.

– Как вел себя ваш муж в то утро? – спросила она мягким тоном, перейдя к стандартным вопросам.

– Как обычно – никак.

Тереза опешила. Она заметила, что безымянный палец на левой руке женщины покраснел, как будто та без конца вертела обручальное кольцо.

– В смысле, никак?

– Простите, я хотела сказать, что у него голова была забита работой. Он всегда слишком много работал – мы все ему об этом говорили.

– Он каждый день отвозил ребенка в школу?

Женщина потупила взгляд и принялась оправлять дрожащими пальцами платье.

– Нет, обычно это делаю я, – ответила она. – Но в тот день мне было нехорошо. Жутко разболелась голова. Роберто забыл дома телефон, я думала, он скоро вернется, без телефона он прямо сам не свой.

– Это из-за работы?

Вдова метнула взгляд на Терезу. Что-то в ней всколыхнулось.

– Конечно, из-за работы, – подтвердила она. – Но он все не возвращался. Через пару часов я забеспокоилась и решила съездить к нему на работу. Он там не появлялся.

Тереза обратилась с вопросом к матери Валента:

– А вы, синьора, заметили что-нибудь необычное в поведении сына?

Глаза старой женщины были сухими и потухшими, как у сломанной куклы.

– Что-нибудь необычное? Да нет. Правда, он много работал, но это ведь временно. Месяц, максимум год – и проект бы закончился. Так меня успокаивал сын, когда я тревожилась.

Собрав на поднос пустые чашки, она скрылась на кухне. Это выглядело как поспешное бегство. Из кухни доносился звон посуды в раковине и неясное бормотание.

Тереза спросила себя, с кем могла разговаривать мать убитого.

– Там кто-то есть? – поинтересовалась она у вдовы.

– Да, мальчик.

«Мальчик», – мысленно повторила Тереза. Она говорит о сыне как о постороннем. Маленький чужак, который живет с ней под одной крышей. Марта Валент только что невольно призналась: уютное, с любовью свитое гнездышко – не что иное, как видимость, созданная в угоду окружающим. Терезе пришло в голову, что действительность не соответствует красивой картинке: рядом с ней сидела мать, эмоционально отстранившаяся от собственного ребенка.

– Я бы хотела с ним поговорить, – сказала она, и это не прозвучало как просьба.

Женщина нахмурилась.

– Это необходимо?

Ласково улыбнувшись, Тереза кивнула.

Диего Валент был послушным мальчиком. Он показался из кухни с красным от слез лицом и перепуганными глазами по первому материнскому зову, не заставив просить себя дважды.

«Бедное послушное дитя», – подумала Тереза.

Ребенок подошел к матери, и та опустила ему руку на плечо. Их тела не соприкасались.

– Здравствуй, Диего, – ласково поздоровалась Тереза. – Я – комиссар Батталья, но для тебя просто Тереза.

Мальчик молча смотрел на нее. В глазах, еще мокрых от слез, проснулось любопытство.

– Сколько тебе лет?

– Десять, – ответила вместо него мать, не оставив сыну времени на раздумья, стоит доверять незнакомому человеку или нет. – Диего заикается.

Эти слова выбили у мальчика почву из-под ног. Тереза заметила, как он весь съежился от унижения. Ей стало до боли жалко ребенка и стыдно за его бесчувственную мать. Такую черствость не оправдать никаким горем.

«Обними его, – с грустью подумала Тереза, – зацелуй до смерти, не отпускай ни на шаг, прижми к своей материнской груди – иначе какой с нее прок?»

Картина отношений, царивших в этой семье, понемно-

гу прояснялась. Тереза отметила, что Диего даже одет как взрослый: на нем были классические темно-синие брюки, бежевый джемпер с треугольным вырезом и накрахмаленная голубая рубашка. На шее болтался маленький галстук. «Как удавка», – заключила Тереза.

Ей захотелось развязать этот узел, взъерошить волосы, повалить мальчика на диван и защекотать с головы до пят. Вместо этого она извлекла из кармана пачку лакричных леденцов и протянула ребенку.

Диего посмотрел на мать.

– Он не ест сладкого, – ответила та.

– Это особенные леденцы, – объяснила Тереза. – Они сладкие, но в них нет сахара.

– Заменители сахара не менее вредны, инспектор, – не унималась мать.

– Я комиссар, но ты зови меня Терезой, – обратилась Тереза к мальчику.

Дабы сгладить неловкость, вдова продолжила.

– Простите, – произнесла она, указав на коробки со сладостями, – мой муж всегда за этим строго следил. Диего в курсе, что ему нельзя их трогать.

Тереза спросила себя: к чему ведет подобная муштра? К бунтам у подростков и комплексам у взрослых.

Она опустила конфеты в карман. Увидев это, Диего поджал губы. Ему так хотелось положить в рот этот леденец, такой непритязательный по сравнению с изысканными лаком-

ствами в коробках, но такой желанный.

Мальчик принялся теребить одежду совсем как его мать, и Тереза увидела у него грязь под ногтями. Маленькое пятнышко на безупречном фоне вселяло надежду: в нем еще осталось немного детской живости и непослушания. Заметив ее взгляд, мальчик убрал руки за спину. Тереза подмигнула ему в знак одобрения.

Потом она поднялась с дивана, и Марини последовал ее примеру. За все время визита он не проронил ни звука, мотая себе на ус и ничего не упуская из разыгравшейся перед ним сцены. Выражение его лица было красноречивее слов: он, как и Тереза, был на стороне ребенка.

На выходе полицейские обменялись с вдовой дежурными фразами.

– Мы будем держать вас в курсе, – проговорила Тереза. – Обращайтесь по любым вопросам. Если вдруг что-то вспомните, даже незначительные детали, которые смогут помочь следствию, сразу же звоните.

– Благодарю, – ответила вдова. – Я верю, что вы сделаете все возможное, чтобы найти виновного.

Осмелевший Диего вертелся около необычного комиссара и ловил каждое ее слово.

Перед тем как уйти, Тереза приласкала ребенка. Вероятно, она делала это дольше, чем следовало, и, заметив взгляд Марини, сразу же отдернула руку.

«Хватит ворошить прошлое», – сказала она себе.

Сев в машину, Тереза не могла отвести от дома глаз. Она следила за ним, пока тот окончательно не растаял за горизонтом. Остроконечная, матовая от солнечного света крыша и темные окна, за которыми скользили невидимые тени. Все застыло в ожидании событий, которые вернут жизнь обитателей в привычное русло.

Тереза думала о самом маленьком его жителе – стойком оловянном солдатике с грязными ногтями. Она не сомневалась, что мальчик тоже смотрит ей вслед. Диего – ребенок любознательный и шустрый. Огонек, который родители старались погасить нелепыми запретами и бессмысленной закалкой силы воли, взять хоть сладости, на которые можно было только смотреть.

«Желанные лакомства всегда у ребенка на виду, но трогать их ему не разрешают, – размышляла Тереза. – Может ли что-то быть хуже для неокрепшей детской психики?»

Может. Мать, холодная как лед.

Тереза спросила себя, относился ли так к сыну и отец? Со слов Марты Валент выходило, что да. Она говорила о муже как о строгом отце, даже обмолвилась о его равнодушии.

Насколько тот был равнодушным? До полного безразличия?

«Это тебя не касается, – упрекнула себя Тереза, но сразу же отыскала оправдание: – Когда речь заходит о детях – это касается каждого».

Опустив руку за пачкой конфет, она с удивлением обнаружила, что карман пуст.

После секундного замешательства Тереза рассмеялась.

Она недооценила юного Валента: он был парень не промах.

Дни становились все короче. Лючия это знала наверняка, ведь большую часть дня она проводила взаперти в своей комнате. И, повторив все известные ей детские песенки, развлекала себя тем, что наблюдала за темнеющим за окном лесом.

Она научилась различать каждую ветку, каждую тень на траве. С каждым часом тени становились все длиннее и длиннее, с каждым днем подкрадывались к дому все ближе и ближе.

И она знала, отчего так происходит – оттого, что Земля кружит вокруг Солнца. В школе она с интересом слушала на уроках учительницу, хотя многого не понимала. Тогда ее выручало воображение. Лючия догадывалась, что она не так умна, как другие дети, но она знала, как движутся тени, и даже то, что скоро они станут короче. Каждый день девочка как замороженная наблюдала за извечной борьбой света и тьмы. Впрочем, с недавних пор к привычному очарованию добавилось и нетерпение: она с трепетом ждала окончания едва начавшейся зимы и ранних сумерек.

Она посмотрела за окно. Поднявшийся ветер мотал из стороны в сторону верхушки елей. Срывал редкие сухие листья с дубов и кружил их вихрем. И хотя до вечера было еще далеко, свет за окном изменился. Еще час-другой – и все во-

круг потускнеет, погрузится во тьму.

Лючия боялась этого часа: с началом сумерек из леса выходили призраки. Она рассказала маме о том, что творится в лесу, но та ее отругала. «Врать нехорошо», – и закрыла в комнате.

Но призраки не были выдумкой. Она точно видела одного – с бледным, как недавно выпавший снег, лицом. Оно чем-то напоминало череп собаки, который они прошлым летом вместе с Диего и Матиасом выловили из ручья, пока Оливер ждал на берегу.

Правильно. Призрак, которого она заметила в лесу, был точь-в-точь как собачий череп – белый и блестящий.

Лючия подозревала, что Матиас вчера тоже его видел. Матиас был их вожаком, самым смелым среди них, но в тот раз его что-то напугало. Он то и дело обшаривал взглядом деревья, как сейчас она, словно те были живые и следили за ним.

Под окном Лючия оставила миску, полную молока. Девочка знала, что утром найдет ее пустой. Молоко исчезало уже не в первый раз, хотя кот несколько дней не появлялся.

Кто-то другой подкрадывался к дому из леса. Кто-то с черепом вместо лица.

Лючия рассказала все маме, но та ей не поверила.

Австрия, 1978

«Смотри, наблюдай, забывай».

Это было негласное правило Школы, передававшееся от старожилов к новичкам. Магдалене о нем поведала сестра Браун, почти шепотом, словно боялась нарушить священную тайну. А тайн в этом месте, запрятанном меж горных вершин и озера, хранилось немало.

Магдалена следовала за сестрой Браун по петляющим коридорам, напоминающим лабиринт, и выслушивала наставления по поводу каждого закоулка в этом запущенном здании, по поводу каждой обязанности на новом месте работы. Первый инструктаж произвел на нее странное впечатление: ее закрыли в комнате, где она печатала на машинке малопонятные правила. Таким образом, она не видела ничего из того, что происходило в стенах Школы, за исключением столовой и общей спальни, в которую возвращалась по вечерам.

В Школе, как догадалась Магдалена, работало совсем немного народу: управляющий, который принимал ее на работу, сестра Браун, двое чернорабочих, кухарка и Мари, посудомойка, с которой Магдалена делила комнату. К сожалению, посудомойка была немой и за все долгие вечера, проведенные за чтением, лишь пару раз украдкой боязливо взглянула на соседку по комнате. Поэтому Магдалена только здо-

ровалась с ней по утрам и желала спокойной ночи, когда гасила свет.

И хотя желающих работать в таком уединенном месте было немного, на службу в Школу принимали только замкнутых по натуре людей, для которых сдержанность была главным из жизненных правил.

Место в Школе для Магдалены выхлопотала ее тетя, когда семья племянницы оказалась в затруднительном положении.

– Школа возлагает на тебя большие надежды. Надеюсь, ты оправдаешь ожидания, – наставляла Магдалену сестра Браун, поднимаясь по ступенькам парадной лестницы. Она шла впереди с ровной спиной и прямыми плечами, напоминая распятие, висевшее над антресолью. Пурпурный свет закатного солнца, проникавший сквозь резное окно, высвечивал печальный лик Христа и сочившуюся из раны кровь. Тень от тернового венца, огромная и бесформенная, пятном расползалась по стене.

«Будто щупальца морского чудища», – подумала Магдалена, зябко ежась в шерстяном свитере.

Сестра Браун говорила о Школе как о живом существе, будто у стен имелись глаза и уши. «Школа слышит, Школа одобряет». Поначалу от этих слов у Магдалены по спине бежали мурашки.

Они поднялись на первый этаж, где находились Ясли. Вокруг не раздавалось ни звука, и Магдалене показалось, что, кроме них, здесь больше никого нет. Их шаги гулко отда-

вались в застывшем воздухе, столетиями вбиравшем в себя жизни и судьбы прежних обитателей. Воздух имел вес, Магдалена явственно ощущала его на груди, на шее. Он давил на грудь так, что становилось трудно дышать.

«Смотри, наблюдай, забывай».

Это означало, что все происходящее в стенах Школы не должно покинуть ее пределов. Возможно, говорила сестра Браун, Магдалене доведется выполнять поручения, которые покажутся ей странными. В любом случае, она должна, понаблюдав за тем, что происходит, методично записать все в блокнот, который ей выдали вместе с формой.

А потом забыть. Все забыть.

Сестра Браун достала из кармана униформы связку ключей, вставила один в замочную скважину и застыла на месте.

– Твое дело – кормить их и содержать в чистоте. Но ты не должна, повторяю, ни при каких обстоятельствах ты не должна проявлять заботу или говорить с ними, – произнесла последние наставления сестра Браун. – Телесный контакт нужно свести к минимуму.

Магдалена кивнула, спросив себя: неужели все обитатели Школы настолько больны? Но задать вопрос вслух у нее не достало смелости.

– И будь осторожна с Тридцать девятым, – продолжила Браун.

Сомнения Магдалены переросли в беспокойство.

– Почему? – спросила она.

Браун отвела взгляд и, уставившись на озеро за окном, ответила:

– Сама поймешь.

Жестом она попросила Магдалену накинуть капюшон, который та держала в руке. Затем последовала ее примеру.

– И помни, – прошептала она перед тем, как открыть дверь, – смотри, наблюдай, забывай.

В погружении в обычные будни после встречи с покойником было что-то мерзкое. Какая-то гадкая радость, облегчение оттого, что это не ты сыграл в ящик.

Привычный день отдавал горечью, потому что чье-то замученное тело остывало в морге.

«Люди умирают каждый день», – напомнила себе Тереза. Жизнь просто переходит в иную форму. Однако, когда с таким сталкиваешься, это выбивает из колеи. Приходится радоваться каждому вдоху в то время, как льют слезы по тому, кто уже не дышит. Неумолимо и жестоко: по-человечески.

Закрыв за собой дверь, Тереза положила сумку и разулась. Тепло деревянного пола под ногами напомнило ей, что утешение зачастую можно найти в простых вещах. Она вспомнила, как ребенком с громкими криками бегала босиком по винограднику, поднимая клубы пыли. Она не забыла ни запах раскаленной на солнце земли, ни терпкий вкус молодых побегов, ни сладкий аромат акации в цвету. Пот, горчинку цветков львиного зева, капли вина из дедушкиного бокала на языке. Все это – составные счастья.

Прошрое эхом отдавалось в пустой квартире, где за время ее отсутствия не изменилось ровным счетом ничего. Одиночество – тактичная соседка, не занимающая места и не оставляющая следов. Без цвета и запаха. Отсутствующая, кон-

трастная сущность – пустота, которая тем не менее вполне реальна: именно она заставляла дрожать чашку с отваром в руках Терезы, когда той не удавалось сомкнуть глаз по ночам. Это дребезжание расползлось по комнатам, не встречая ничего живого на своем пути. Одиночество облегало Терезу как тесное платье, как вышедший из обихода корсет, который на людях заставляет выпрямить спину и не дает свободно вздохнуть.

Тереза нашла противоядие от этой напасти: принимала одиночество в малых дозах каждый день. Никуда не сбегала и не искала развлечений: смирно сидела и терпела. Так душа, научившись синтезировать антитела, стала почти невосприимчивой к этой отраве.

Дом усмехнулся ей черно-белыми постерами, висевшими на стенах: то веселыми и почти дерзкими, то с налетом меланхолии для большей выразительности. Со стен на нее глядели друзья, составлявшие ей компанию по вечерам, когда она ложилась с книжкой на диван: Луи Армстронг, Элла Фицджеральд, Дюк Эллингтон, Джефф Бакли... Голоса, будившие душу от летаргического сна. С лишенных цвета изображений струились яркие и хаотичные звуки, оживлявшие гостиную. Тереза наткнулась на них на блошином рынке в те времена, когда у нее еще не пропало желание куда-то выбираться по выходным в поисках интересных вещей для обустройства своего гнездышка, которое так и не стало уютным. Гнездышка, в котором она одна коротала свой век.

Потребовалось немало времени, чтобы оправиться от тоски. Шаг за шагом Тереза заново училась идти вперед, дышать и твердо стоять на ногах, несмотря ни на что. Не сбиваться с пути и не есть себя поедом. Естественно, жизнь, если заглянуть в ее истинное лицо, – страшная штука, но она священна и неприкосновенна. И прожить это захватывающее приключение нужно с ощущением чуда, даже если на тебя валятся беды и несчастья.

Необходимо в это верить, иначе сойдешь с ума.

«Мы никогда не остаемся одни», – пробормотала она в пустоту.

Она и сама не знала, действительно ли в это верила или просто придумала себе такое утешение, чтобы не слететь с катушек.

Ее пальцы коснулись музыкальной шкатулки, стоявшей на сундуке в гостиной. Это была единственная вещь в доме, с которой она бы ни за что не рассталась. Шкатулка из голубой керамики, с желтыми звездочками и личиком спящего ангела брала Терезу с ее мучениями под свое глиняное крылышко.

От нее пахло тальком и разбитыми мечтами. Тереза завела вещицу.

Заиграла мелодия, напоминавшая постукивание колокольчика. Тереза всегда находила ее трогательной. Монотонный мотив напоминал о далеких звездах, что заглядывали в морские глубины сквозь серебристые облака, о вселенской

тайне, о загадке, которой миллиарды лет. Казалось, мелодия приплыла из другого, далекого мира, откуда к нам приходят души новорожденных детей.

Тереза не была набожной и особо не вникала в вопросы веры, но, если бы ее попросили назвать одно – только одно – доказательство божественного присутствия в ее жизни, она бы без колебаний указала на спящего ангела, одновременно будившего в ней горестные воспоминания и наполнявшего тихой, сулившей успокоение нежностью.

Она спрашивала себя, за что ей ниспослано такое наказание? Отчего не суждено сжать крохотные пальчики, поцеловать сладенькую щечку, прижать к груди настоящего ангела, заглянуть ему в глазки?

Нет, все же она не одинока.

Сопровождаемая печалью и монотонной колыбельной, она направилась в ванную. Разделась, стараясь не смотреть на свое бесформенное отражение в зеркале. Быстро приняла душ и стала готовиться к вечернему ритуалу: достала из шкафчика глюкометр и скарификатор. Вставила иглу и закрыла колпачок. Прицелилась, проколола палец на необходимую глубину. Несколько темно-красных капель упало на полоску для измерения уровня сахара. Несколько секунд ожидания, и дисплей высветил сносную цифру. Она взяла ручку с инсулином. Опять иглы. После стольких лет мучений они были как терновый венец. Тереза ощупала бок в поисках менее болезненного места и сделала укол.

Какое-то время она просидела на краешке ванны, уставившись на кафельную плитку, затем привела помещение в прежний вид, спрятав в шкафчик свидетельства своей болезни. С трудом оделась, будто груз последних часов добавил ей веса.

Прошла на кухню, собираясь приготовить ужин: что-нибудь легкое, что можно пожевать на диване за книгой. Решила прихватить и бокал вина, чтобы снять напряжение и поскорее заснуть.

Открыв холодильник, она вдруг оказалась среди незнакомых предметов. Вместе с загоревшейся лампочкой возникло нечто еще: пустота. Тереза не могла вспомнить названия окружавших ее вещей. В растерянности она огляделась по сторонам, но в мозгу возникали только бессмысленные картинки, одни изображения без намека на смысл и предназначение.

Тереза попробовала было что-то сказать, но язык и нижняя челюсть одеревенели от паники.

Мир стал неузнаваем.

Музыкальная шкатулка замолкла. Именно сейчас, когда ей так нужна была помощь, ее ангел уснул. Она вновь одинока. Вновь одна, и ей страшно.

Массимо так и не сомкнул глаз. Недолгие часы, предоставленные комиссаром для отдыха, он провел за составлением отчета.

Он удалял и переписывал целые абзацы, приводя отчет в приемлемый вид, и в конце концов остался доволен результатом. Отправив готовый файл по электронной почте с первыми проблесками зари, он очень удивился, когда буквально через несколько минут пришло уведомление о прочтении.

Тереза Батталья тоже бодрствовала в этот час и, как и он, вероятно, размышляла об убийстве в лесу среди неприступных скал, в сотне километров отсюда. Массимо понимал, как сложно высвободить мозг из психологических пут и привыкнуть к жестокости, — он и сам испытывал то же самое. Раньше он думал, что со временем научится равнодушно смотреть на жертв преступлений, но этого так и не произошло. Насмотревшись с лихвой на мужчин, убитых ради нескольких евро, на женщин, замученных теми, кто должен был их любить, на детей, росших в нечеловеческих условиях, он не огрубел душой, не обзавелся панцирем равнодушия и каждый раз страдал при виде загубленных душ.

Утром он явился в участок заранее, не скрывая от себя, что делает это ради комиссара. Может, ему хотелось загладить неприятный осадок от первой встречи, а может, и про-

известии впечатление на эту своенравную женщину, думавшую о нем бог весть что.

Он вошел в ее кабинет с двумя сюрпризами. Первому она точно обрадуется, а вот насчет второго у него были сильные сомнения.

Комиссар Батталья прибыла в участок в сопровождении агентов Паризи и Де Карли – еще одного члена команды, следовавшего за ней как тень. Она держала в руках листок бумаги и с озабоченным видом что-то говорила. Полицейские сосредоточенно кивали, ограничиваясь односложными репликами. Это было четко слаженное трио, составлявшее единый организм. Массимо сделал такой вывод из их жестов и мимики. Комиссар была движущей силой, вокруг которой вращались два рычага хорошо отрегулированного механизма. Тереза отвечала короткими, порой незавершенными фразами – ведь ее слова все равно схватывали на лету. Полицейские договаривали за нее, давая понять, что все будет выполнено без промедлений. В их поведении читалось уважение без тени подхалимства.

Массимо вдруг почувствовал себя нелепо с этим пакетом в руках. Положив сюрприз комиссару на стол, он отодвинул его от себя как можно дальше. Даже то, что он осмелился присесть, уже казалось ему верхом неосмотрительности.

Шелест бумаги привлек внимание всей троицы. На лице комиссара удивленное выражение хищника, чью территорию узурпировали, сменилось недовольством от ничтожно-

сти трофея – удивление практически сразу уступило место гневу.

– А ты что делаешь у меня в кабинете? – процедила она по слогам. Ее тон не сулил ничего хорошего.

Массимо не знал, как объявить о втором сюрпризе. Он предпочел бы начать с первого. В конце концов, недолго думая, он выпалил, будто выдергивая чеку из гранаты:

– Это теперь и мой кабинет.

На лице комиссара не дрогнул ни один мускул.

– Я что-то не расслышала, – ответила она.

Хотя Массимо готов был поклясться, что все она прекрасно расслышала.

– В моем трубу прорвало, – продолжил он решительным тоном. – Я немного поработаю тут. С вами. Так решил Амброзини.

Массимо заметил, как Паризи с Де Карли переглянулись. По их лицам стало ясно, что комиссар не в восторге от такого поворота.

– А это что? – сменила она тему, указав на пакет.

– Это вам, – отозвался воспрявший духом Массимо. Может быть, отношения между ними все-таки наладятся.

Комиссар села за стол. Посмотрела на пакет и открыла упаковку.

– Вот черт!

– Комиссар... – вмешался было Паризи, не оставляя в покое свою стильную бородку, но она сделала ему знак замол-

чать, взяла пончик и вонзила в него зубы, прикрыв от наслаждения глаза. Из пончика обильно потек крем.

– Там есть и с шоколадом, – пробормотал Массимо, жестом приглашая коллег. Однако те обеспокоенно смотрели на комиссара.

Тереза, не открывая глаз, кивнула. Она была на седьмом небе.

– Я не ела их целую вечность, – промычала она.

Массимо расплылся в довольной улыбке. Слава богу, комиссару, кроме раздражения, присущи и другие человеческие качества. Более того, все оказалось так просто.

– Лучше бы вам не есть их и дальше, – заметно нервничая, произнес Де Карли.

Тереза взглянула на Массимо: ее прищуренные глаза будто бросали ему вызов.

– У меня диабет.

Когда до инспектора дошел смысл этих слов, он, выругавшись про себя, попытался было забрать пакет обратно, но комиссар с решительным видом придержала его рукой.

– Хочешь меня прикончить?

Лицо у инспектора пылало огнем.

– И вот еще что: постарайся впредь не краснеть. И если хочешь выругаться, делай это вслух, черт тебя подери! – закончив наставления, комиссар отпустила упаковку. Кивнув, попросила Паризи и Де Карли выйти из кабинета и прихватить с собой пакет. Полицейские вышли, плотно притворив

за собой дверь, чтобы до комиссара не долетели их шуточки. Массимо уже представлял себе их в голове: остроты как пули свистели в ушах.

Он натянулся как тетива, готовая лопнуть.

– Что мне сделать, чтобы вы на меня не злились? – кротко спросил он. Ему было необходимо понять это.

Комиссар уже переключила свое внимание на монитор компьютера, на котором намеревалась просмотреть фотографии с места преступления.

– Ты просто должен хорошо выполнять свою работу. Если, конечно, ты на это способен, – ответила она. – Я прочитала твой отчет.

– И?

Тереза пристально посмотрела на него:

– И спустила его в унитаз! Будь добр, напиши новый.

Массимо почувствовал, как на него камнем навалилась усталость последних суток. Какая-то тяжелая масса, давившая на спину, пыталась уволочь его за собой вниз.

Однако от его внимания не ускользнуло, что не он один испытывает адовы муки. Если поначалу на лице комиссара читалось напряжение, то теперь там проскальзывало что-то еще. Что-то похожее на скрытую тревогу или даже на страх.

– Я не ложился, чтобы составить отчет.

Ему хотелось прозондировать почву и, возможно, отвлечь комиссара. Он и сам не понимал почему, но то, что читалось у нее на лице, вызывало беспокойство.

– Значит, ты поступил неразумно. Нужно было выспаться и работать на свежую голову.

Наконец-то она сложила оружие. Из ее голоса исчез сарказм, он стал будничным, словно они говорили о погоде.

– Я думал, что неплохо справился с заданием, – возразил он.

Тереза Батталья положила на стол ручку, которую до этого покусывала.

– Этого мало, – отозвалась она. – Я не могу прийти к семье убитого со словами: мол, мы неплохо поработали. Они хотят, чтобы мы харкали кровью, понимаешь? И имеют на то полное право.

Инспектор кивнул. Теперь он понимал.

– Что я должен делать? – поинтересовался он.

– Штудировать то, чему не учат в университетах: искусство убивать.

Не дожидаясь ответа, комиссар поднялась и направилась к доске, висевшей напротив письменного стола.

– Я полагала, что наш убийца молод. Но, кажется, слегка погорячилась, – пробормотала она. – Все-таки он капельку постарше.

Массимо с любопытством приблизился к ней.

– Почему?

– Да потому, что степень садизма зашкаливает, – пояснила она, делая записи на доске неразборчивым почерком. – У него было время, много времени, чтобы отточить свои фан-

тазии. Думаю, ему лет сорок – сорок пять. Силен как бык. Местный или часто бывает в горах. Отлично в них ориентируется. Его следы теряются в скалах, и это не случайность. Должно быть, он охотник или что-то в этом роде. Исходя из того, как он убивает, и состояния его психики, можно сделать заключение, что он не водит машину.

Инспектор удивленно скривился, что не ускользнуло от комиссара. Перестав писать, она внимательно на него посмотрела.

– Тебя что-то смущает? – спросила она.

– Да в принципе, нет.

– Говори, если есть что сказать.

– Да ничего.

Она сняла очки и окинула его изучающим взглядом:

– Марини, не тяни резину! Если тебе есть что сказать, говори! Не заставляй себя упрашивать. В противном случае держи свой сарказм при себе.

Массимо указал на доску.

– Вы не находите, что... что это слишком?

Взглянув на свои записи, Тереза лишь удивленно подняла брови.

– Что – слишком? – переспросила она.

Массимо постучал пальцем по перечисленным пунктам.

– Все эти подробности, – произнес он, – неужели вы в них не сомневаетесь? Не слишком ли это самонадеянно? Откуда, например, вы взяли, что он не водит машину?

Тереза с легкой улыбкой оглядела его с головы до пят.

– Самонадеянно? Как бы не так. А что касается сомнений... У меня их хоть отбавляй, но так и должно быть, это естественно! Настораживает, когда сомнений и в помине нет. Тебе так не кажется?

Массимо, скрестив руки на груди, промолчал.

– Значит, ты у нас крепкий орешек, – пошутила комиссар и продолжила серьезным тоном: – Более того, у него и водительского удостоверения-то нет. Он никогда не сдавал на права и не садился за руль – просто не способен на это. Вероятно, когда-то пытался, но потерпел неудачу. И таких неудач у него – пруд пруди. Из-за проблем с головой. Почему я так думаю? Из-за того, что он сотворил со своей жертвой. У человека, который вырывает глаза ногтями, большие проблемы, и их не скроешь. Он не в состоянии закончить курсы. Даже курсы вождения. Он не в состоянии долго работать на одном месте. Не хватает ни постоянства, ни концентрации.

Массимо слушал затаив дыхание. Комиссар протянула ему маркер.

– Давай, пиши! – не дожидаясь его ответа, приказала она и продолжила диктовать: – Живет один, в нескольких километрах от места преступления. Нужно обозначить интересующую нас территорию.

Массимо послушно записывал, хотя и не разделял выводов комиссара.

– Почему вы решили, что он живет один? – спросил он.

– Никто бы не смог жить с таким типом под одной крышей: он не следит за собой и понятия не имеет, что такое порядок. «Психоз» в данном случае – ключевое слово: степень психического расстройства может нам о многом рассказать. Например, о чем говорит тот факт, что он убил голыми руками и не связал жертву?

– Что убийство было непреднамеренным?

– Неправильно. Убийство было *неорганизованным*. Это другое. Хотя некоторые вещи свидетельствуют об обратном. Кое-какие странности я затрудняюсь объяснить. Тут много противоречий. Концы с концами не сходятся.

– Например?

– Инсценировка. То, как он обошелся с трупом: не бросил, а дотошно все подготовил – силки... Итак, инспектор Марини с красным дипломом по...

– По юриспруденции.

– Мать Божья! И с опытом работы в большом городе. Скажи-ка, к какому типу относится наш преступник: организованному или дезорганизованному?

Тишина.

Выражение лица комиссара приобрело снисходительный оттенок.

– Так я и думала. Начни с нуля – это твой уровень.

Лючия проснулась от странного шума над головой.

Кто-то скребся когтями по черепице, передвигая черепки с места на место.

Это были вороны. Они кружили над домом в поисках добычи или пытались расколоть орехи, барабанив ими о крышу. Так ей объяснили Матиас и Диего, которым она рассказала о пугавших ее таинственных звуках, возникавших в предрассветные часы, когда за окном было холодно даже летом.

С недавних пор два друга вместе с Оливером стали средоточием ее маленького мирка. Лючия им полностью доверяла. Поэтому ее так тревожили и печалили недавние события. Отца Диего убили. Его нашли в лесу после того, как он два дня не возвращался домой.

У Люции кусок стал поперек горла, когда папа заговорил об этом за ужином. Ей пока не удалось встретиться со своим другом, но она приготовила ему послание, которое намеревалась передать, оставив в их тайном месте. Пока что записка ждала своего часа в темном углу за вазой с боярышником. На листке, вырванном из тетрадки, она написала только: «Ты наш брат по крови».

Так Диего поймет, что семья – та, которую он выбрал, – всегда рядом и готова разделить с ним горе и нести этот крест, как Христос. Лючия всегда с удовольствием слушала

истории дона Леандро на уроках катехизиса о жертвах, прощении и рае. После таких историй жизнь казалась не такой невыносимой. Собственная жизнь в том числе.

Лючия прикоснулась губами к запястью: шрам почти исчез, но воспоминание о клятве оставалось ярким и волнующим.

Все еще сонная, девочка протерла глаза. Казалось, этим утром в комнате стало светлее. Она зарылась с головой под одеяло, и ледяной кончик носа оттаял от горячего дыхания. Занятия в школе отменили из-за траура, и можно было вдоволь поваляться в кровати. Ночью ее мучили кошмары. Ей снился отец Диего – без глаз. Кто-то их ему вырвал, как святой Лючии, чье имя она носила. Папа рассказал об этом за ужином, жуя кусок бифштекса. При виде розового сока, капавшего в тарелку, Лючию чуть не стошнило.

Шум на крыше усилился. Птицы в яростной эйфории разошлись не на шутку. Вынырнув из-под одеяла, Лючия поняла, отчего в комнате так светло: ставни были распахнуты, хотя она помнила, как закрывала их перед сном. Откинув одеяло, она поставила ноги на холодный пол. Натянула шерстяные носки и оправила фланелевую ночную рубашку, которая за ночь сбилась, задравшись до талии.

За окном над заснеженной лужайкой в неистовой пляске кружили вороны. Описав круг-другой, с пронзительным карканьем они пикировали вниз. Лючия подошла к окну и оторопела: к дому слетелись полчища черных птиц. Одна из них

бросилась прямо на девочку и упала, ударившись о стекло. Лючия вскрикнула от испуга. Она видела, как ворона, оправившись от удара, снова взмыла вверх. На стекле осталось алое пятнышко и клочок пуха, трепетавший на ветру.

Лючия прижалась к стеклу и взглянула на мир сквозь алую кляксу: снег казался розовой мастикой с темной полоской посередине. Это был кровавый след, тянувшийся прямо по центру. Проследив за ним взглядом, Лючия поняла, что он ведет напрямик к ее окну, к пустой миске. За одной из ставен виднелась тень.

Вглядевшись повнимательнее, Лючия в ужасе закричала.

Архив располагался в подвальном помещении с неоновым освещением и занимал весь этаж. Тут не было ничего, кроме пыли и бесконечных рядов стальных стеллажей.

Спуститься туда на лифте было невозможно, словно подвал не был частью здания и принадлежал другому миру. Попасть в архив можно было только спустившись по лестнице, погруженной во тьму: иногда лампы все-таки горели слабым мигающим светом, но чаще всего там стоял такой мрак, хоть глаз выколи. Электрик говорил, что лампы приходят в негодность из-за высокой влажности. Однако кое-кто в открытую утверждал, что виной тому потусторонние силы, которым не по нраву полицейский архив.

Поскольку сюда было принято отправлять проштрафившихся сотрудников, в участке это место именовали Чистилищем.

Тереза послала сюда Массимо Марини, чтобы тот искал аналогичные случаи среди папок и цифровых материалов.

Молодого инспектора следовало держать в узде, но прежде всего Терезе хотелось убрать его с глаз долой хотя бы на пару часов. Она уловила в нем признаки беспокойства, а в какой-то момент он посмотрел на нее так, словно догадывался о тревожащих ее страхах.

Но то, что с ней случилось, было всего лишь сиюминут-

ным недомоганием. Ничего страшного.

Прошлой ночью она ненадолго утратила способность узнавать привычные предметы и даже через несколько часов, уже оправившись, чувствовала себя потерянной, будто выбралась из эпицентра торнадо. Такого с ней прежде не случилось, и она боялась, что за первым приступом последуют и другие.

Тереза никому не сказала об этом. Изливать душу было не в ее характере. И все же одна вещь не давала ей покоя – как долго она сможет себя обслуживать? Это было для нее сущим кошмаром – зависеть от кого бы то ни было.

Прогнав тревожные мысли, она спустилась по темным ступенькам в Чистилище. Марини, сидевший в дальнем углу за письменным столом, потрепанным временем, был единственным обитателем этого невеселого места. Его освещал лишь свет мерцающего монитора.

– Так ты только зрение себе испортишь, – произнесла Тереза.

Марини не отрываясь смотрел на экран. Тереза положила рядом с ним распечатанный отчет, который он отправил ей на рассвете, со своими исправлениями.

Мельком пробежав по нему глазами, Марини удивленно спросил:

– Как? Вы не спустили его в унитаз?

Тереза присела напротив инспектора.

– Отчет никуда не годится. Неужели я должна была

врать? – ответила она вопросом на вопрос.

Марини скривился.

– Да нет, липовые похвалы мне ни к чему.

– Тогда зачем ты сюда приехал?

Ответа не последовало.

Тереза не оставляла попыток его разговорить.

– Я думала, ты бежишь от проблем на личном фронте, – продолжила она. – Но это не так, верно? Стремление к совершенству и твои попытки завоевать мое расположение наводят на мысли о властном родителе, который не дает тебе жизни даже теперь, когда ты стал взрослым. Дело в твоём отце?

– Я не знал, что вы еще и психолог.

– Не нужно быть психологом, чтобы это понять.

Наконец он поднял на нее глаза. Его щеки пылали от злости, и незащищенность, промелькнувшая во взгляде, тронула Терезу.

– Только не надо делать из этого трагедии, – подбодрила его Тереза.

– Только не надо говорить, что бывают проблемы и посерьезнее, не то я в вас разочаруюсь. Слишком банально.

– Конечно, бывают проблемы и посерьезнее, но это мало кого волнует. Ты правильно сделал, что уехал.

– Я должен сказать вам спасибо?

– Не стоит, – парировала Тереза.

Он указал на ряды папок:

– Вы не спросите, что я нашел?

– Полагаю, ничего.

– Вы это знали заранее.

Тереза только пожала плечами:

– Если бы там что-то было, я бы вспомнила.

Она знала, что инспектор не обнаружит ничего похожего. Она помнила содержание архива так же хорошо, как ее дедушка помнил записи в блокноте, куда заносил результаты партий в покер. Сотни записей с датами и количеством очков. Ребенком Тереза забиралась к нему на колени и засыпала вопросами: дедушка Пьетро никогда не ошибался. Вот уже сорок лет архив был ее хлебом насущным, ее жизненным кредо. Не было такой страницы в этих папках, из которой бы она не извлекла пользы. Марини озабоченно сдвинул брови:

– Вот уж не ожидал, что моим начальником будет *профайлер*.

Тереза рассмеялась.

– Только давай без иронии. Если говорить по существу, – продолжила она, подмигнув, – работаю тут я, а ты только воду мутишь.

Марини перевел взгляд на экран монитора, прокручивая файлы колесиком мышки. Перед его глазами замелькали сотни документов с описанием тяжких преступлений. Тереза видела их отражение в его темных радужках.

– Я все-таки полагаю, что дела раскрывают с помощью улики и доказательств, а не догадок, – произнес он спустя ка-

кое-то время.

Слова инспектора позабавили Терезу.

– Судя по твоей писанине, догадками как раз занимаешься ты, – съязвила она и придвинулась к нему поближе. – Криминология – не точная наука, с этим не поспоришь. У нас нет готовых формул для каждого отдельного случая. Криминология – это искусство. Искусство видеть то, о чем люди вроде тебя даже не подозревают. Тут нет никакой магии – просто интерпретация. Все дело в вероятности и статистике, а не в уверенности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.